

Татьяна Тренина

*Мода
на невинность*

русский любовный
роман

Татьяна Тренина

Мода на невинность

«ЭКСМО»

Трoнина Т. М.

Мoда на невинность / Т. М. Трoнина — «Эксмо»,

ISBN 5-699-19115-1

Если в прошлом девушки есть какая-то тайна, то это всегда придает ей шарма. Тайна, с которой приходится жить Ольге, мучает ее. Точно так же, как и влюбленный в нее мужчина. В конце концов девушка бежит из Москвы в провинциальный городок. Там она знакомится с красавицей Инессой, еще в школьном возрасте родившей двух сыновей. Имя их отца осталось загадкой для всех... Благодаря новой подруге Ольга постепенно приходит в себя. Однако в городок приезжают два мужчины, которые коренным образом меняют ее жизнь. Это ненавистный Олин ухажер. И некий иностранец, как две капли воды похожий на... давнего возлюбленного Инессы...

ISBN 5-699-19115-1

© Трoнина Т. М.

© Эксмо

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	46
-----------------------------------	----

Татьяна Тренина

Мода на невинность

* * *

– Уедем отсюда! – умоляюще воскликнула тетушка, хватая меня за плечи.

Мы только что вышли из клиники, уличный шум и непривычно яркое солнце ошеломили меня, я была в тоске и смятении, которые мне мешали сосредоточиться на главном – как жить дальше, а думать об этом надо было уже сейчас, ибо каждый шаг вперед казался мне шагом в пропасть.

– Куда уедем? – испуганно спросила я.

– Господи, дурочка, ты же только что сама слышала, как доктор посоветовал тебе сменить обстановку! – в отчаянии вскричала тетушка, заламывая руки. – Куда? Поедем ко мне!

– В Тишинск? – удивленно переспросила я.

– Конечно, в Тишинск! Прочь из суетной Москвы, из этого Вавилона, подальше от выхлопных газов, жрицы любви и извращенцев, которые здесь на каждом углу...

Тетушка моя любила высокий слог, поскольку была учительницей русского языка и литературы – и в высшей степени была оторвана от жизни, постоянно витая в каких-то романтических эмпирях. Она не замечала того, что пугало и резало глаз, но иногда приходила в ужас от самых обыкновенных вещей. Ей, скромной провинциалке, когда она приезжала в столицу, вечно мерещились жрицы любви и извращенцы, причем, насколько я могу судить, она принимала за таковых людей вполне приличных и достойных – просто следующих моде и отбросивших комплексы. В любой девушке, одетой в прозрачную блузку или эпатажное мини, она видела проститутку, а прихотливо подстриженный юноша вызывал у нее подозрения в нетрадиционных наклонностях. Настоящих извращенцев она не замечала – например, тетя однажды очень обиделась на меня, думая, что над ней шутят, когда я сообщила ей, что мой сосед с нижнего этажа отсидел пятнадцать лет за убийство.

– Как тебе не стыдно! – возопила она. – Милейший человек, профессор МГУ!

– Профессор? – удивилась я тогда. – Это он тебе сказал?

– Сказал! Мы ехали в лифте, и я спросила, не артист ли он – уж больно открытое, мужественное лицо, а он мне ответил...

– Тетя Зина, а что еще он мог тебе ответить!

И вот теперь тетя стояла передо мной и сверлила пламенным, вдохновенным взором, и, похоже, от ее желания увезти меня к себе, в Тишинск, мне было не отвертеться. «В самом деле, а почему нет? – мелькнуло в голове. – Вот и доктор посоветовал...» Я действительно собиралась куда-нибудь поехать, моя квартира в Сивцевом Вражке вызывала во мне мучительные воспоминания, последнее время я не могла жить в ней, а просто ходила из угла в угол и рыдала – потому что каждая вещь была связана с мамой, с ее любовью и ее смертью.

– В Тишинск? – повторила я вслух свою мысль. – Почему бы и нет? Только вот квартира...

– Мы не будем туда заезжать, – судорожно обняла меня тетушка, прекрасно понимая, какие чувства вызывает во мне мое обиталище – о, все, что касалось чувств, она понимала прекрасно, даже как-то чересчур остро, словно не было ничего важнее этих порывов души, этих сигналов, пробегающих по нервным окончаниям! – Потом, когда пройдет время, когда ты успокоишься... Давай сразу же на вокзал!

– Но...

– Твои вещи я захватила, уплатила за квартиру за полгода вперед! – торжествующе сообщила она. – Уж за полгода ты точно придешь в себя... Ах, деточка, мы не станем концентрироваться на постигшем нас великом горе, мы будем искать в жизни позитивное и наслаждаться природой... – Тетка явно повторяла слова моего доктора, Ян Яныча, бородатого мужчины с диким гипнотическим взглядом, который был буквально помешан на всяких нервных патологиях. Я тоже уважала Ян Яныча, но в науку психиатрию не очень-то верила, ибо даже долгое лечение в его клинике не смогло до конца заглушить мою боль.

– Едем, – согласилась я, чем привела тетю Зину в восторг. – Тишинск так Тишинск, черт с ним...

В самом деле, я как-то не обратила внимания на то, что она приехала забирать меня из клиники с кучей свертков и сумок, которые теперь стояли возле ее ног.

Было начало апреля – какое-то странное, противоестественное время, когда вдруг замечаешь, что бесконечная зима уже кончилась и наступило почти лето. Еще две недели назад мела колючая мартовская метель и я в тяжелой цигейковой шубе бродила по больничному саду, оставляя за собой на снегу следы, а рядом шла печальная Нинель Соломоновна Боренгейм, моя соседка по палате, и говорила о том, что этот сухой крупитчатый снег ей напоминает стиральный порошок, в котором она стирала рубашки своего бывшего мужа. Вообще, на что бы ни падал взгляд печальной Нинель Соломоновны, во всем она находила нечто, что тем или иным образом напоминало ей бывшего мужа. Ян Яныч говорил, что случай Нинель Соломоновны типичен – очень многие женщины впадают в глубокую депрессию после того, как их благоверный внезапно покидает семейное гнездышко. Мысль о молоденькой сопернице была настолько невыносима моей соседке, что она едва не спятила. Истерический невроз. Правда, когда я покидала эти стены, состояние Нинель Соломоновны значительно улучшилось – она уже не находила, что ежеутренняя овсянка напоминает ей те времена, когда она самоотверженно боролась с хроническими запорами своего благоверного, а запах растущего в холле экзотического цветка – аромат одеколона, которым тот орошал свое свежеевыбртое личико.

Итак, было начало апреля – очень тепло, почти жарко, и, несмотря на то что цигейковая шуба на мне была нараспашку, я чувствовала себя чужой этому миру.

– Ладно, – вздохнув, пробормотала я, – ты единственная, кто у меня остался...

Я подхватила вещи и зашаркала к автобусной остановке, а тетя Зина, щебеча что-то восторженное и оптимистическое, бросилась вслед за мной.

Только в поезде я позволила себе задуматься над тем, что же я все-таки делаю. Мы ехали в Тишинск в прекрасном купейном вагоне – тетушка настояла, что мы должны ехать непременно в купе, а не в общем, где были только сидячие места. Она волновалась за мое здоровье, но в данном случае это было ненужной роскошью. До Тишинска можно было легко добраться на электричке – часов пять, не больше...

Когда-то, очень давно, мы ездили с мамой в Тишинск – еще до ее неудачного замужества. Я была совсем ребенком и почти ничего не запомнила, помню лишь беспросветную скуку, которая царил в маленьком провинциальном городишке. Это было зимой – и все две недели своих первых школьных каникул я каталась на санках с ледяной горки, поначалу со снисходительным энтузиазмом, а потом умирая от тоски. Там совершенно нечего было делать и никогда ничего не происходило – об этом я думала сейчас, когда тряслась на верхней полке. Тетушка почему-то решила, что я всю дорогу должна спать, но мне не спалось.

Хотя скука – это не так уж плохо, даже Ян Яныч рекомендовал мне перед выпиской вести размеренный образ жизни.

– Кому-то другому я бы посоветовал что-нибудь радикальное, ибо следующей фазой, необходимой для выздоровления, я считаю хорошую встряску, – заявил он мне, – но вы, голубушка, очень остро реагируете на происходящие вокруг вас события. В лучшем случае вам необходима смена обстановки... Самое оптимальное – деревня, пасторальные прелести и

какой-нибудь ненавязчивый сельский труд. Провинция со здоровыми человеческими взаимоотношениями тоже пошла бы вам на пользу...

Вот тетя Зина и потащила меня в Тишинск!

– ...да, вам я боюсь советовать что-нибудь экстремальное, уж слишком вы нежны. Вы, милочка, как мимоза... Ну что вы краснеете, ей-богу – правда! Прошлой осенью я рекомендовал Симакову, моему давнишнему пациенту с манией преследования, экстремальные виды спорта – после того как он пятнадцать раз прыгнул с парашютом, все его фобии исчезли будто по мановению волшебной палочки, даже более того – он решил жениться!

– Слава богу! – воскликнула я тогда, всей душой радуясь за выздоровевшего Симакова. – Доктор... а я? Я смогу когда-нибудь вылечиться?

– Вы, по сути, и не больны... У вас, моя сладкая булочка, лишь затянувшаяся депрессия, скоро все пройдет, непременно пройдет!

Я вздрогнула.

– Да, кстати, не печальтесь по поводу лишнего веса, я вам как мужчина говорю, что ничего лишнего в вас нет...

Не знаю, стоит ли верить прогнозам Ян Яныча и его мужским заверениям, но специалистом он считался хорошим, некоторые пациентки буквально молились на него. Я поступила в клинику неврозов в середине зимы, окончательно измучив тетку и последних оставшихся у меня друзей. Почти все время я плакала и лежала на диване, свернувшись калачиком. До настоящей психиатрической лечебницы мне было далеко, но и пускать дело на самотек тоже было нельзя, и тетка, проводшая со мной последние полгода, решила вплотную заняться моим здоровьем.

...Попасть в эту клинику было непросто, но, видимо, положение мое было настолько неоднозначным, что Ян Яныч принял меня без разговоров. Там было много нервных женщин (и мужчин, но их почему-то меньше), которые приходили в себя после разных жизненных передряг, имелось даже VIP-отделение для «новых русских», которые чрезмерно перетрудились на ниве бизнеса. Смысл лечения, который проповедовал Ян Яныч, был чрезвычайно прост – полностью отгородиться от внешнего мира, оставив за воротами все накопившиеся проблемы.

Да, ворота и стены в клинике в самом деле оказались основательными – высокими и толстыми, за ними не разглядеть картин окружающего мира, даже гудки машин доносились словно издалека. Ни газет, ни телевизора, мобильные телефоны и прочие средства связи отбирались еще на проходной, все говорили шепотом и только на особые, умиротворяющие темы – ни политики тебе, ни экономических кризисов, ни страстных споров по поводу того, какие бабы дуры, а мужики сволочи. Все личные проблемы разбирались с доктором, который был весьма искушенным психотерапевтом и всегда умел подвести измученного и несчастного пациента к тому, что выход есть, непременно есть... даже если его и нет, то все равно ничего страшного... Присовокупите к этому душ Шарко, жемчужные ванны, общие сеансы релаксации... При выписке же доктор, наоборот, рекомендовал какую-нибудь радикальную встряску, но я, как видно, была особым случаем – покой и только покой. А Нинель Соломоновне, например, он посоветовал обзавестись собакой, и последние дня два Нинель допекала меня тем, на какой породе ей остановиться, но потом, к счастью, вспылала любовью к французским бульдогам – с подачи Ян Яныча...

Я выходила из клиники совершенно успокоенная, но успокоенная только внешне – в глубине души я чувствовала, что боль еще живет во мне и нужен только повод, чтобы джинн вырвался наружу. То, что произошло с мамой, со мной, было ужасно, несправедливо, она не имела права умирать так рано и так долго, безнадежно мучиться перед смертью...

– С тобой все в порядке? – спросила тетя Зина – она сидела на нижней полке и штудировала какое-то методическое пособие для учителей.

– Да, – смиренно сказала я. – Немного непривычно как-то... Ведь столько времени я там провела!

– А перекусить?

– Нет, что-то не хочется...

Я совершенно не хотела пугать милую тетушку, вываливая на нее свою тоску и меланхолию, она сама, мне кажется, иногда нуждалась в опеке.

– Пойду подышу немного в тамбуре. – Я довольно неуклюже спрыгнула с верхней полки и вышла в коридор. Есть мне хотелось, но напротив, на разных полках, покачивались супруги в тренировочных костюмах, которые, в отличие от нас, ехали куда-то далеко, за Урал, – муж храпел, а у жены была такая неприятная родинка на щеке... словом, при них мне кусок в горло не полез бы.

Я встала у распахнутого окна и принялась прилежно любоваться проносящимся мимо пейзажем. Москва уже кончилась, и пестрой деревенской полосой тянулась Московская область, некоторые особо ретивые дачники уже копались на огородах... в общем, смотреть было не на что, но прохладный ветер так приятно дул в лицо, что уходить обратно в купе не хотелось.

– Который час? – спросил меня кто-то.

Я словно проснулась.

– Что? Не знаю... – Но часы были у меня на руке. – Погодите – сейчас половина третьего.

Этот «кто-то», приятный мужчина лет тридцати, продолжал смотреть на меня, улыбаясь. Тут-то я и догадалась, что вопрос о времени был только поводом. К сожалению, я не очень умею вести себя с мужчинами, не умею кокетничать и точно знаю про себя, что могу поверить любой чепухе, и оттого стараюсь не верить ничему. Все мои лав стори были исключительно неудачными, может быть, еще и потому, что я никогда и никого не любила. Впрочем, вру – мне было лет четырнадцать или пятнадцать, когда один мальчик, кстати, мой одноклассник...

– Вы далеко едете? – прервав нить моих размышлений и все так же улыбаясь, спросил мужчина. – Я бы хотел оказаться вашим попутчиком!

– Не очень, в Тишинск, – нерешительно сказала я, не зная, правильно ли поступаю, говоря ему это.

– Разрешите представиться – Игорь Евгеньевич... Ах, какая жалость – мне дальше, но мы могли бы обменяться адресами...

Он так расшаркивался, что у меня вдруг промелькнула позорная мысль, что он, возможно, улыбается не из одной только любезности, что я, наверное, ужасно выгляжу – только что из больницы, после пробежки в цигейковом тулупе – мы опаздывали на поезд... Ну да, этот человек просто хочет посмеяться надо мной! Хотя, по здравом размышлении, я чересчур склонна преувеличивать свое безобразие, недаром Ян Яныч... Головная боль надавила на затылок. Кажется, я слишком долго простояла на сквозняке.

– Так что же вы! – улыбнулся Игорь Евгеньевич. – Я бы хотел знать ваше имя! Конечно, роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет, но я бы хотел знать имя той...

– Что за глупости! – быстро перебила его я. – Знакомиться в поезде... Нет, не хочу, не скажу...

Мне стало совсем не по себе, и я рванула дверь своего купе, заметив мельком, как Игорь Евгеньевич удивленно пожимает плечами. «Веду себя как дура! – подумала я. – А впрочем, чего вы хотите от сумасшедшей?»

– Перекусим? – опять накинута на меня тетя Зина. Мужчина на верхней полке проснулся и теперь тупо смотрел в окно. – И где ты была так долго, я уже собиралась тебя искать...

– Ах, нет, уже скоро приедем, я не хочу!..

Головная боль напомнила мне о том, что с моей стороны было довольно безрассудно отправляться в Тишинск вот так, по одному легкомысленному желанию тети Зины. Моя аптечка находилась постоянно со мной, и хотя Ян Яныч, однажды проинспектировав ее, нашел, что половина находящихся в ней лекарств являются лишними, я совершенно не представляла без них своей жизни. Но многие лекарства заканчивались, а я так и не успела пополнить их запасы. Кто знает, может быть, в Тишинске ничего этого не будет. Приступы внезапной мигрени, удушья, невралгической боли, судорог и внезапного и полного упадка сил – поистине жизнь моя на этом свете являлась подвигом...

* * *

...Тишинск я решительно не узнала и не вспомнила – может быть, потому, что в последний раз была здесь зимой. Это был обычный тихий провинциальный городок с маленькими домами и неширокими улочками, на полупустом перроне висел выцветший огромный плакат: «Тишинску – 300 лет. В новый год – с новым мэром», на плакате была изображена старинная церковь, позади которой маячил современный многоквартирный дом, а на переднем плане красовался портрет пожилого бородатого мужчины с таким энергичным и добрым выражением глаз, что он и на человека не был похож.

Подъехал кургузый оранжевый автобус, мы с тетей едва втиснулись в него. Центр города был вполне стандартен и даже немного напоминал Москву промышленных окраин, где громоздились железобетонные конструкции семидесятых и хрущевские пятиэтажки, но окраина, на которой жила тетя Зина, была совершеннейшей деревней.

Узкая улица с пыльным, потрескавшимся асфальтом привела нас к двухэтажному длинному строению барачного типа – впрочем, может быть, я и ошибаюсь, называя этот дом «барачным», – он построен из кирпича и довольно крепок на вид, низкие балконы упираются почти в землю... разве у барачников бывают балконы? Не барачный, а барочный... Тетя Зина оказалась в Тишинске после распределения, которое практиковалось когда-то, – она, кажется, вполне могла избежать его, придумав какой-нибудь повод, чтобы не уезжать из Москвы, но, подозреваю, моей добропорядочной тетушке это просто не пришло в голову. Она так и осталась тут – что называется, «жизнь засосала», и в столицу не вернулась. Здешняя тишина и отсутствие явных извращенцев очень ей импонировали.

– Ты помнишь? – улыбнулась тетя Зина, сгибаясь под тяжестью моей цигейковой шубы. – Помнишь?

– Да, – как-то неуверенно промямлила я, оглядываясь по сторонам. – Вон там я каталась с горки...

– Не там, а там, – тетушка указала в противоположную сторону. – Ладно, это все мелочи...

Внутри были деревянные ступени, пахло борщом и нафталином – но не особенно сильно, не до такой степени, чтобы вызвать во мне желание бежать обратно в Москву. Где-то глухо раздавались фортепианные аккорды.

– Это Боря играет, исключительно талантливый мальчишка... – задумчиво произнесла тетя Зина, ковыряясь в дверном замке. – Я думаю, он тебе не помешает... Ведь правда не помешает?

– Ну что ты! – милостиво согласилась я. На первом этаже были еще какие-то двери, но я решительно не помнила, кто там жил, и Борю этого тоже не помнила. Впрочем, он, наверное, в те времена еще не родился.

– Здесь Аристовы живут, наверху Филипыч и Молодцовы... А в этой камерке раньше старый князь жил, теперь у нас здесь кладовая.

– Какой еще князь? – недоуменно пробормотала я, косясь на дверь кладовой, в голове мелькнуло странное словосочетание – «князь тьмы», хотя, по здравом размышлении, этот бедный дом вряд ли мог заинтересовать нечистую силу.

– Ты забыла! Старик Ивашов, умер много лет назад... мы его все князем звали, он, кажется, действительно из дворян был. А вот Филипыч... – тетя Зина понизила голос, – совсем сдал. Такое иногда вытворяет...

Квартирку тети Зиной, состоявшую из двух небольших комнаток и огромной неудобной кухни, посреди которой стояла облезлая газовая плита, я помнила хорошо, потому что со времени последнего моего приезда в ней ничего не изменилось – те же старые шифоньеры, стол с кружевной скатертью, собственноручно связанной тетей Зиной, пестренькие занавесочки с сельским узором в виде буренок и подсолнухов... На окнах цвели фиалки, и пахло здесь как-то особенно уютно, пахло старыми временами, прошлым, когда еще... когда...

– Ты опять плачешь? – перепугалась тетя Зина, поспешно заталкивая мою цигейковую шубу в шифоньер. – Ты плачешь?!

– Нет, ничего. – Я заставила себя улыбнуться. – Просто... аллергия на нафталин.

– Будет, будет тебе. – Она истоиво поцеловала меня в лоб и побежала на кухню ставить чайник. – У меня и конфеты есть. Ты любишь «Цитрон»? – из кухни закричала она.

– Люблю, – вздохнула я.

К вечеру я почувствовала себя окончательно простудившейся.

– Да что ж это такое! – с отчаянием запричитала тетушка, обнаружив у меня температуру. – Какая-то нескончаемая вереница... Надо мед, срочно мед! У Любви Павловны есть запасы...

Она куда-то убежала, а потом явилась с этой самой Любовью Павловной – элегантной и подтянутой женщиной бальзаковского возраста, которая с большим участием принялась расспрашивать меня, где же я могла так простудиться.

Нет ничего глупее этих разговоров, во время которых пытаются понять, где человек умудрился захворать, – от них нет никакого толку, и даже если в озарении обнаружишь, что вот именно там-то и там-то проклятый вирус застиг тебя врасплох, то температура от этого не понизиться.

– Я у окна стояла, в вагоне... – печально пробормотала я, наблюдая, как женщины разводят мед в молоке, втискивают мои ноги в шерстяные носки, набитые горчицей, и достают на свет божий какую-то невероятно вонючую мазь, купленную у приезжих китайцев, – мазь эта якобы обладает волшебной силой и может помочь от любой хвори.

– Да разве ж можно стоять у окна в поезде! – всплеснула руками Любовь Павловна. – Ведь еще только начало апреля, такие ветры...

– Не ветры, а ветра, – со значительным видом перебила ее тетушка.

– Ах да, пардон! Ну, не суть важно... Да разве ж можно... Оленька, а ты помнишь, как я угощала тебя варениками – тебе было лет десять, и ты приехала на зимние каникулы и сказала, что вареники у меня неправильные?

– Точно! – Я вдруг вспомнила эти вареники и Любовь Павловну, которая, кстати, совсем не изменилась с тех пор, только волосы перекрасила в цвет перспелой вишни. У нее есть еще дочь, очень странная дочь, потому что...

– Переворачивайся-ка, мы тебе спину намажем, – командовала тетушка.

– ...а вареники были самые обычные, – радостно вещала Любовь Павловна, – просто сделаны из ржаной муки и потому темные...

Я уснула как убитая, в большой надежде на то, что все эти народные средства помогут мне и я проснусь завтра выздоровевшей, – но как бы не так. Битых три недели я провалялась на тетушкином диване, благоухая китайской мазью, и один раз мне было так плохо, что меня даже хотели отправить в больницу.

Приходила старая докторша по фамилии Силохина, которая пользовала почти весь Тишинск, но не нашла у меня ничего особенного – лишь обычную простуду, лекарств никаких не выписала, а посоветовала поскорее выйти замуж.

– Я тут недавно фильм один хороший в который раз смотрела, – заявила она хриплым мужским голосом, в котором не было никакой жалости. – «Формула любви» называется. Броневой изумительно играет... Так вот, Оля, я вам повторю его слова – ипохондрия. Самая настоящая ипохондрия у вас, когда не болезнь, а страх ее и страх жизни. Молодежь нынче такая нервная!

Я ей не поверила, я вообще не верю докторам, которые не выписывают лекарств...

Провинция – совсем другое дело, нежели Москва, здесь простота и непринужденность нравов. Соседи по дому и знакомые тетушки Зины каждый день навещали меня, и вот так – не вставая с дивана – я перезнакомилась почти со всеми. Некоторых я тоже вспомнила, как и Любовь Павловну, – они появлялись передо мной словно из тумана, со словами сочувствия и расспросами, они жалели меня и принимали в моей судьбе очень деятельное участие. Правда, мелькнула в этой череде лиц женщина, необыкновенно красивая, с прекрасным именем – Инесса, дочь Любви Павловны, – которая мне совсем не понравилась. Что-то нехорошее с нею было связано, а что именно – я не помнила, но спросить у тетушки мне почему-то в голову не приходило. Мне никогда не нравились такие правильные, уверенные, даже самодовольные лица – потому что я в присутствии подобных людей чувствовала себя беспомощной дурочкой.

По утрам тетя Зина уходила в школу, и несколько часов я была предоставлена самой себе. Правильно ли я поступила, что уехала именно сюда? Может быть, на свете существовало место, которое могло мне помочь, где я ощутила бы себя покойной и счастливой?

Сквозь деревянные перекрытия глухо сочилась прекрасная музыка – в основном Шопен и Лист, – это играл мальчик Боря. Играл так виртуозно, что я не могла поверить, что ребенок столь талантлив, и списывала эти дивные слуховые галлюцинации на свою простуду.

Я вспоминала маму – какой она была славной и милой, пока тот человек... Бедная мама, она была так хороша, что прохожие оборачивались на нее, и я не понимаю, как тот человек мог смотреть на кого-то еще!..

* * *

Выздоровление пришло неожиданно – в один прекрасный день я открыла глаза и с удивлением обнаружила, что у меня ничего не болит, нет ни озноба, ни высокой температуры, которая морским прибоем шумела в ушах. Было тихо, лишь сверху, со второго этажа, едва раздавались чьи-то шажки.

В один момент я вернулась к реальности и сразу же ясно представила, кто я, где нахожусь и кто меня окружает, бытие стало отчетливым – так фокусируется близорукий глаз, когда глядит на мир сквозь очки.

«Это Филипыч!» – озарило меня.

Филипыч был пожилой и очень тихий мужичок, который жил в двух комнатах сверху, безобидный и странный. Несколько дней он заходил меня проведать и принес огромное алоэ, которое росло в облупленной черной кастрюле.

– Это подарок, – робко произнес он, топчась у дверей. – Выздоровляйте скорее. Сок алоэ очень полезен.

– Спасибо, – сказала тогда я, безразлично глядя на бледное, в редкой белесой щетине лицо тетиного соседа. – Вас как зовут?

– Филипыч, – прошелестел он. – Меня все зовут Филипыч...

– Вы живете один, Филипыч?

– Да, мама умерла два года назад.

Несмотря на жестокую простуду, я сразу же почувствовала к этому Филипычу глубокую приязнь – он, наверное, находился в сходных со мной обстоятельствах и точно так же страдал от потери близкого человека. Я попыталась завязать с ним дружескую беседу, но он потоптался еще минутку в дверях и ушел.

«Надо и мне к нему зайти, поблагодарить, – тут же решила я, прислушиваясь к робким шажкам, которые доносились сверху. – А рядом с Филипычем обитают Молодцовы».

Молодцовы были бездетной супружеской парой, они уже далеко миновали бальзаковский возраст, впрочем, мадам Молодцова усиленно молодилась – и кудри из парикмахерской, и макияж от отечественных изготовителей косметики, и последние коллекции местного дома моды. Кстати, очень неплохие коллекции, правда, Молодцова, мне кажется, излишне злоупотребляла розовым цветом.

А за стеной рядом довольно большую площадь занимало семейство Аристовых – Любовь Павловна с мужем, их дочь, надменная красавица Инесса, и двое ее детей, ни одного из которых я пока не видела, лишь слышала, как один из них блестяще музицирует на фортепьяно. Вот и все наши соседи...

Я осторожно вылезла из-под верблюжьего одеяла и подошла к трюмо, которое стояло в тетушкиной комнате. То, что я увидела, не слишком меня удивило – следовало ожидать, что за время болезни я не похорошела. Спутанные волосы, бледное личико с огромными синими под глазами, страдальческие морщинки у губ... но больше всего меня огорчило то, что даже долгая простуда не заставила меня похудеть. Анемичная пухлая барышня с мочалкой на голове... «Выйти замуж? – усмехнувшись, повторила я слова старухи Силохиной. – Да кто ж меня возьмет!» Мне припомнился мой попутчик – вероятно, он был моим последним шансом, который я безвозвратно упустила...

Я вымылась в ржавой ванне, постаравшись избавиться от надоевшего запаха китайской мази, потом стала сушить волосы феном – скоро должна была прийти тетя Зина, мы в это время обычно пили чай и беседовали о русской литературе... впрочем, иногда и о зарубежной тоже.

Дверь внезапно отворилась, и в щелочку просунулась по-мальчишески стриженная головка Инессы. Я выключила фен и изобразила недоумение.

– Я стучалась, – сказала она задорно. – Ты не слышала, да?

– Добрый день...

Не спрашивая разрешения, она скользнула в комнату, уселась напротив меня на шаткий деревянный стульчик. Она была очень хорошенькая.

– Выздоровела, да? – с любопытством спросила Инесса, без всякого стеснения оглядывая меня сверху донизу. – Тебе лучше?

Мягкой прохладной ладонькой она коснулась моего лба, потом пощекотала подбородок. Меня такая бесцеремонность несколько смутила, но я еще раз напомнила себе, что это провинция.

– Я вижу, что уже лучше... – весело резюмировала она. – Пойдем гулять!

– Что? Я только встала после болезни, и в ногах у меня еще такая слабость... – перепугалась я.

– А мы недалеко и ненадолго, – беззаботно сказала она. – Кстати, я чувствую какой-то запах... Китайская мазь? Маменька обожает ею всех пользоваться...

Она вскочила со стула и подбежала к окну.

– Что, окна закрыты? И балкон? – Она подергала за ручку.

– Сквозняки, – робко возразила я, со все большей неприязнью наблюдая за соседкой. – Что ты делаешь?!

Инесса, нисколько не обращая внимания на мои протестующие вопли, изо всех сил рванула ссохшуюся балконную дверь, тотчас же свежий весенний ветер ворвался в комнату, и со стола, на котором тетя Зина проверяла тетрадки своих учеников, слетел календарь.

– Ужасно душно, – строго сказала Инесса. – А теперь одевайся.

– И не подумай, – насупилась я. – Я еще очень слаба...

Инесса остановилась передо мной.

– Ты гораздо сильнее, чем думаешь, – серьезно произнесла она. – Тебе это будет только на пользу. Я обещала Зинаиде Кирилловне приглядывать за тобой.

Спорить с такими особами – занятие бесполезное, поэтому я с кротким вздохом встала и отправилась в другую комнату – переодеваться.

– И не особенно кутайся! – крикнула мне вслед Инесса. – На улице настоящее лето!

«Ладно, – подумала я. – В конце концов, так даже лучше. Я заболела еще сильнее, может быть, и... так будет лучше, только жаль бедную тетю Зину!»

Я оделась, причем Инесса резко осудила меня за попытку влезть в цигейковую шубу и заставила ограничиться лишь легким плащиком.

– Что ты! – засмеялась она ласково. – Там лето, настоящее лето!

Конец апреля и в самом деле выдался необыкновенно теплым, даже жарким, и я почувствовала, что, может быть, эта прогулка пойдет мне на пользу... Впрочем, все равно – Инесса была большой нахалкой.

Я прибыла в Тишинск еще в начале апреля, но мне вдруг показалось, что произошло это только вчера – все было новым и странным. Уже распустились первые листочки, пахло свежей зеленью и сырой землей.

– Как хорошо! – простонала я, цепляясь за локоть, который мне милостиво предоставила Инесса. – Но пройдемся только вон до того поворота – и обратно... Я бы посидела где-нибудь на лавочке, возле дома.

– Сколько тебе лет? – засмеялась Инесса, глядя на меня сверху вниз – она на полголовы была выше меня.

– Двадцать три.

– Боже, а у меня такое впечатление, что рядом со мной идет старушка. И не идет даже, а плетется... может быть, зайти в аптеку за костылями? Там, на соседней улице, есть аптека...

– Да, тебе хорошо... – заныла я. – А я ведь еще до Тишинска в больнице лежала!

– Что? – подняла она брови. – Ах да, Зинаида Кирилловна говорила о чем-то таком... Но, надеюсь, сейчас все проблемы позади?

Я скорбно и многозначительно вздохнула.

Вдоль улицы стояли низенькие одноэтажные домишки, обнесенные забором, из-за одного вдруг заблелая коза. Деревня, настоящая деревня!

– Здравствуйте, Инессочка! – кивнула нам из-за забора немолодая женщина в черном платке, с таким желтым лицом, которое сразу напоминало о Китае или о желтухе. – А это кто с вами? Уж не племянница ли Зинаиды?

Я кивнула.

– Добрый день. Она самая! – крикнула моя спутница. – Мы гуляем. Моцион.

– Ну, в добрый путь, в добрый путь... – перекрестила нас женщина.

– Кто это? – спросила я Инессу, когда мы отошли уже на значительное расстояние.

– Вдова Чернова, – равнодушно ответила та.

– И? Кто она?

– Просто – вдова Чернова... Про нее большего нельзя сказать. Нечего.

Меня такое отношение к людям несколько покорило.

– Тогда расскажи о себе, – потребовала я.

– Разве ты не знаешь? И не помнишь? Тетя Зина не говорила обо мне? – удивилась Инесса.

– Да мы все как-то на общие темы...

– Что ж... Мне тридцать один год, у меня двое сыновей, я не замужем, работаю журналисткой в городской газете – то есть пишу о видах на урожай и успехах местной промышленности, об истории Тишинска и о людях, в нем живущих. И живших... – добавила она, слегка запнувшись. – Время от времени участвую в показах мод при нашей фабрике... Ты знаешь, что весь город живет за счет нашей швейной фабрики?

– Да, – кивнула я, думая уже совершенно о другом. – Так ты еще работаешь моделью?

– А что! – опять засмеялась она. – Ты не веришь?

Она отцепила меня от своего локтя и повертелась в разные стороны, красуясь, – легкая и тоненькая, одетая в темный брючный костюмчик – пожалуй, в таком не стыдно и по Москве пройтись, по главной улице. Я все напрягала память, но никак не могла вспомнить, какая же нехорошая история связана с этой Инессой – давно, очень давно, я слышала об этом в свой первый приезд сюда, когда была еще ребенком...

– Почему же? Верю, – пожала я плечами.

– Что еще тебе рассказать?

– Ну... расскажи о самом Тишинске, ты, наверное, о нем больше других знаешь.

– Знаю... кстати, как-нибудь сходим вместе в краеведческий музей, там очень мило, – произнесла она с нежностью. – Расскажу... только с условием, что потом ты поведаешь мне все о себе.

– Все? – ужаснулась я. – Все я не могу...

– Господи, какая ты забавная... я шучу!

Мы доплелись до того самого поворота, дальше которого я идти не собиралась, и остановились под старой липой. Дальше, в стороне, открывалась другая улица, точно такая же, как наша, – частные домики, огороженные заборами, тишина и ни одной машины.

– Боже, что за жизнь! – вздохнула я. – Тебе не скучно здесь, ты не хотела бы поехать в Москву? Для меня-то это как лечение выписали...

– Какое высокомерие, однако... – Инесса пожала плечами. – Впрочем, я не обижаюсь. Я вообще никогда и ни на кого не обижаюсь... Мне нравится Москва, я там пять лет училась, но мне хорошо только в Тишинске. Раньше, до Петра, здесь было небольшое поселение, потом построили свечной заводик... после Екатерины – она была здесь проездом – жизнь забила ключом. У нее были какие-то особые планы на наш город, правда, они так и не осуществились, но тем не менее... В окрестностях жили несколько известных дворянских фамилий, у них сходились здесь поместья... ах, какое замечательное кладбище за старым парком, имена все известные и громкие, даже один декабрист там похоронен, после ссылки он поселился именно здесь. Ты права, – вздохнула она, – жизнь в Тишинске тихая и однообразная, но что-то мешает мне покинуть его.

– Родной город – ты его любишь и все такое... – сочувственно промямила я. – Я понимаю. И хорошо, что здесь так тихо. Мне доктор прописал сменить обстановку, поэтому когда тетя Зина...

– Нет-нет, – не слушая, перебила меня Инесса. – Не только из-за того, что родной, я ведь еще ко всему прочему космополитка, ностальгией не страдаю. Что-то мешает мне отсюда уехать – ведь были мысли, планы, даже больше того – я знаю, что в столице смогла бы развернуться, сделала бы карьеру, прославилась – все, что угодно, я могу, чувствую в себе силы, но... есть нечто такое... – Она пошевелила в воздухе пальцами.

– Что-то мистическое? – серьезно спросила я.

– Не знаю, – так же серьезно ответила она и в этот момент даже показалась мне симпатичной. По-человечески симпатичной. – Я как будто жду здесь чего-то. Мне нельзя уезжать.

Эта тема фатума чрезвычайно меня захватила, я собралась высказать по сему поводу одну глубокую мысль, но в этот момент наше одиночество нарушилось и в конце улицы из легкого облачка пыли появилась машина – надо сказать, это был не ржавый «москвичонок» или

побитая временем «Волга», по кривой тишинской улице почти бесшумно катила иномарка... я в них никогда не разбиралась, но то, что это была именно иномарка, было понятно даже такой дилетантке, как я.

– О, – вдруг оживилась Инесса, взглядевшись, – знакомые все лица...

За темными стеклами иномарки я решительно не видела никаких лиц. Инесса помахала рукой, словно здороваясь, – и машина затормозила напротив нас.

– Кто это? – шепотом спросила я.

– Это Вова. Познакомься, – сказала она, когда из иномарки вылез низенький толстый мужчина с бородой. – Вова, это Оленька, моя новая соседка...

Она говорила с этим солидным дядей, больше похожим на иллюстрацию к книжке про «новых русских», точно с ребенком – весело и чуть-чуть насмешливо. Кажется, у него даже золотая цепь на шее висела...

– Очень приятно, – невнятной скороговоркой пробормотал Вова, быстро оглядев меня, – в его взгляде не было ничего, кроме безразличного неодобрения, и тут же увлек мою спутницу куда-то в сторону.

– Извини, я сейчас! – крикнула Инесса.

Она была много выше его, с улыбкой над ним склонилась, а Вова принялся что-то быстро шептать ей на ухо. Он держал ее за руки трепетно и почтительно, и, несмотря на свою бороду, золотую цепь и иномарку, было заметно, что он полностью находится в подчинении у Инессы.

– Нет-нет, ты же видишь – я не одна, – сказала Инесса, кивнув в мою сторону. – Что за нетерпение... я позвоню тебе завтра.

Бородач опять ей что-то шепнул на ухо.

– Подвезти? О нет, мы просто гуляем, не надо нас никуда везти... До завтра.

Он залез в свою иномарку, забыв попрощаться со мной, и так же бесшумно скрылся.

– Милейший человек! – Инесса с улыбкой посмотрела ему вслед. – Но очень стеснительный.

– Да уж... – неопределенно заметила я.

– Если тебе интересно, я могу сказать, кто он мне... – заявила она, глядя мне прямо в глаза.

– Жених?

– Можно и так. Или еще – бойфренд...

– Ты вовсе не обязана...

– Господи, лучше уж мне самой сказать, чем какая-нибудь тетенька начнет сплетничать обо мне и назовет милейшего Владимира Ильича моим хахалем – глупое слово, я его не люблю... – вздохнула она. – Его, ко всему прочему, Владимиром Ильичом зовут – лишний повод для комплексов.

– Странно, что у него комплексы. Это его машина?

– Да. Машина его, особняк на проспекте Мира тоже его, и наша фабрика... Он генеральный директор Тишинской швейной фабрики, – хихикнула Инесса. – Я понимаю, почему ты спрашиваешь, – разве могут у такого человека быть комплексы? Еще как могут! Он шепелявит, при разговоре брызжет слюной, дико боится всех женщин, боится темноты, ненавидит свое имя, свою внешность, не выносит, когда кто-то за его спиной начинает смеяться, потому что принимает все на свой счет, но при всем при том он очень успешный бизнесмен. Уж не знаю, как ему удается заниматься делами, но наша швейная фабрика известна на весь район, и даже в Москве открыт магазинчик, где-то на Садовом... Одежда неплохая, сшита отлично, ткани мы заказываем в Германии.

«Мы»!» – усмехнулась я. Впрочем, в такой глуши, наверное, все говорят «мы», ибо чувство сопричастности и единения, которого нет в урбанистическом мегаполисе, коим является столица...

– О чем ты задумалась? Наверное, считаешь, будто мне крупно повезло, что я являюсь любовницей Владимира Ильича, что такой, как я, пристало быть на содержании... – она говорила полуплутя, и мне немного не по себе стало от прозорливости Инессы.

– Нет-нет, я ни о чем таком...

– В сентябре мы собираемся расписаться, – задумчиво произнесла моя спутница, глядя куда-то в сторону. – Он настаивает. Я в принципе тоже не против, хотя семейная жизнь – это так скучно...

– Детям нужен отец! – назидательно возразила я.

– Детям? – Она широко открыла свои прекрасные светло-карие глаза и расхохоталась. – Ты видела моих детей?

– Нет, – промямлила я, совершенно не понимая ее иронии, – но я слышала, как один из мальчиков играет на фортепьяно, дивно играет...

– Со следующего года он будет учиться в Москве. Здешняя учительница музыки, Роза Айратовна, удивительная женщина и талантливый педагог, при всех своих достоинствах уже не может ему ничего больше дать, а Боре надо идти дальше. Он вундеркинд! – опять засмеялась она. – Учти, я посылаю его в столицу не за счет Владимира Ильича, а совершенно бесплатно, ибо есть программа поддержки талантливых детей, в той школе, куда он отправляется, его берут с руками и ногами... У него есть даже способности к композиции!

– Потрясающе! – восхитилась я. – Надо непременно познакомиться с твоими детками.

– Да уж, никуда ты от этого не денешься, – ласково произнесла Инесса, беря меня под руку. – Что, в обратный путь? Кстати, они сейчас гуляют – эти ужасные ролики... Возможно, мы их по дороге встретим, они раскатывают по всему городу, такие лихачи...

Я представила себе детей, лихо раскатывающих по Тишинску на роликах, и мне даже стало немного не по себе. Правда, Тишинск тихий город и очень небольшой, но оставлять детей без присмотра... А вдруг они упадут!

– Ты не боишься отпускать их одних?

Она помолчала, внимательно и ласково глядя на меня, а потом отрицательно покачала головой.

Обратный путь, как ни странно, дался мне гораздо легче, я почувствовала себя почти здоровой. Мимо, поднимая тучи пыли и нещадно громяхая, промчался грузовик.

– Потапов, Люськин муж. Они наши соседи, живут в домике напротив.

– Как здесь мило, все друг друга знают... – вздохнула я.

Навстречу нам, с гиканьем и свистом, мчались на роликовых коньках двое подростков. Прямо на нас, и не думая сворачивать. Прямо помешалась молодежь на этих роликах! Все мое пасторальное настроение вмиг улетучилось.

– О господи, хулиганы! – ахнула я, цепляясь сильнее за локоть своей спутницы. Как я могла забыть, что во всех этих маленьких городах разгул преступности и беспредел, под прикрытием местной мафии орудуют многочисленные банды, и вообще, наркотики и алкоголизм...

– Чему ты радуешься? – в отчаянии вскричала я, подталкивая Инессу к обочине. – Они же нас сейчас сожгут!

Похоже, ее эта перспектива совершенно не пугала. Она раскинула руки, и старший из подростков, вернее, не подросток и не юноша даже, а какой-то Чингачгук, громила в полосатой майке и с гривой смоляных волос, на ходу обнял ее и ловко затормозил. «Промискуитет¹ какой-то! Нет, куннилингус... – лихорадочно пыталась я вспомнить слово. – Свальный грех!»

¹ Предполагаемая стадия ничем не ограниченных отношений между полами, предшествовавших установлению в обществе норм брака и семьи.

– Привет, ма! – хриплым баритоном произнес Чингачгук. – А мы тут балуемся... Это она? – он кивнул в мою сторону.

– Да, это Оленька, – вся сияя, кивнула Инесса. – Они с тобой хотели познакомиться, очень беспокоились о твоём здоровье. Это Глеб, мой старший. А это Борис. – Она указала на другого подростка, чуть помладше, тоже смуглого и, в отличие от брата, аккуратно подстриженного, который молчаливо стоял поодаль, нетерпеливо елозя на коньках. – Это он у нас на фортепьянах!

Честно говоря, я ничего не поняла. Инессе был тридцать один год, в моем представлении ее дети должны быть по крайней мере школьниками младших классов, а тут какие-то лбы... Может быть, они приемные?

– Очень приятно, – пробормотала я, чувствуя себя как-то неловко.

– Ладно, ма, мы сейчас в булочную, а то она вот-вот закроется, нас ба послала...

– Только недолго, – весело сказала Инесса и помахала им вслед, когда они на своих роликах покатались дальше. – Что, не ожидала?

Она обернулась ко мне, читая по моему лицу, как по книге.

– У тебя замечательные дети, – пробормотала я.

– Некоторые принимают Глеба за моего брата. Или даже жениха... – Она улыбнулась, и в ее поведении не чувствовалось и капли смущения. – Глебу шестнадцать, а Борису четырнадцать. Борис и Глеб...

И тут я вспомнила. Нет, не приемные, родные! Это был словно приступ дежавю, внезапного озарения... Да, когда я приезжала сюда, лет пятнадцать назад, за стеной у тети Зины надсадно орал младенец, и она шепотом рассказывала моей маме: «Да-да, сама еще дитя, и неизвестно, кто тот негодяй, который...» Так вот что за нехорошая история была связана с Инессой, я о ней совершенно забыла, а тетя Зина не сплетница, ей даже не пришлось в голову повторить мне ее сейчас.

– Ты что? – удивилась вдруг Инесса, хватая меня за вторую руку. – Ты такая бледная... Голова закружилась?

– Да, голова... – послушно повторила я, ничего не соображая. Мне было мерзко, так мерзко – вы даже не представляете! «Ей было четырнадцать лет... Маленькая Лолита, которая теперь ничего не боится. А потом еще через два года... И никаких комплексов, ни капельки сожаления... только гордость».

– Тогда идем скорее. Зинаида Кирилловна на меня рассердится...

– Я ей не скажу, – тихо произнесла я. – Я скажу, что во время прогулки чувствовала себя прекрасно. Все, отпусти меня. Мне уже лучше.

Далее мы шли молча, Инесса время от времени пытливо на меня поглядывала, словно не решаясь продолжить разговор о своих великовозрастных сыновьях. Она была ужасно хороша и ужасно мне не нравилась. Ее светло-каштановые волосы отливали тициановским блеском на весеннем ярком солнце, чуть припухлые капризные губы подрагивали, как будто она все время пыталась сдержать счастливую улыбку, длиннейшие ногти на ухоженных ручках... Пожалуй, Инессе нельзя было дать ее лет, она выглядела много моложе – даже не из-за того, что так хорошо выглядела, самоуверенное спокойствие просто распирало ее. Нимфоманка. Зачать первенца в четырнадцать лет и не испытывать по этому поводу никаких комплексов. Впрочем, если вспомнить историю, например, Шекспира с его Джульетой...

– А Глеб? – неожиданно для самой себя спросила я. – Какие у него таланты?

– Зинаида Кирилловна не рассказывала? О, я вижу, она ничего не рассказывала... все больше на абстрактно-литературные темы, наверное... Хотя вопрос тоже по этой теме. Он пишет.

– Пишет? Что он пишет? – механически переспросила я, находясь в плену смутной тревоги.

– Что? Рассказы, повести... Его часто публикуют в местной печати, в прошлом году в «Юности» вышел рассказ, потом в каком-то сборнике, где творчество детей... В стиле фэнтези. Он тоже вундеркинд.

– Замечательно... – пробормотала я.

– Ты точно в порядке? Может быть, с тобой посидеть?

Я отказалась.

Тетушка где-то задерживалась, и я села на балконе на старый табурет, который, вероятно, простоял здесь не одну зиму. В самом деле, балкон давно следовало открыть, стало очень тепло – такая ясная, прелестная весенняя погода, но тем невыносимее мне было. Я не могла отвязаться от мыслей об Инессе. Я бы на ее месте просто умерла. Впрочем, я и так умираю...

Напротив, за невысокой оградой, стоял низенький деревянный дом, возле него под распускающим листья тополем притулился пыльный грузовик. «Семейство Потаповых...» – вспомнила я. Тишина стояла невыносимая, вдруг откуда-то издалека, словно фантазия, донеслась дивная, печальная мелодия. Опять Шопен. Это Боря. Мальчики вернулись из булочной... Мальчики!

Мимо осторожно, кошачьей походкой прошла вдова Чернова в безобразном темном платке, потом двое пьянчужек проковыляли в обнимку, словно сиамские близнецы, по виду – типичные водопроводчики или слесари... Потом в начале улицы возникло странное видение, настолько необычное, что я даже Шопена перестала слышать.

По дороге, цокая на всю округу стальными каблучками, плыла, точно белое облако, женщина. Как описать ее? Описать ее невозможно, можно лишь просто сказать, что она является родной сестрой Мэрилин Монро – те же высветленные кудри, венчиком обрамляющие головку, тот же рот бантиком, подведенный невыносимо яркой помадой, манеры все те же, знакомые по старым голливудским кинолентам... На оттопыренном локотке висела крошечная сумочка-кошелек, белое платьице, чрезмерно обтягивающее талию и едва достигающее до колен, крошечные белые лодочки, даже в этой пыли блистающие лаком... Да, она была вылитая Мэрилин, разве что растолстевшая до пятидесяти шестого размера. Локоток был объемист и кругл, а колени, выглядывающие из-под платья, напоминали небольшие диванные подушки, кукольное личико тишинской Монро дополнял второй подбородок.

Женщина холодно посмотрела на меня и вошла в калитку дома напротив. «Наверное, Люська...» – догадалась я. Поистине, сегодня был день открытий. Уж не знаю почему, но эта Люська тоже поразила меня чрезвычайно.

Хлопнула дверь – это появилась тетя Зина.

– Ты на балконе? – ужаснулась она. – Встала – и сразу же на балкон?!

– Тетя, да со мной все в порядке. – Я потянулась к ней, обняла, вдыхая родной аромат «Красной Москвы». – Я сегодня даже на улицу выходила. Ненадолго. Я совершенно выздоровела и прекрасно себя чувствую...

– Слава богу! – истово перекрестилась она. – Давай обедать, у меня там борщик в холодильнике... Ты представляешь, Головатюк сегодня сделал сорок ошибок в одном сочинении! И этот мальчик собирается на филологический факультет...

Головатюк был ее больным местом, она каждый раз сообщала мне перлы его невежества.

– Ты погоди, тетя... Ты лучше скажи, кто там живет, напротив?

– Кто? Да Потаповы... А почему ты спрашиваешь?

– А я сейчас видела одну женщину, и она так меня поразила...

– Какую женщину? – подозрительно осведомилась тетушка.

– Такую толстую, в коротком белом платьице, с кудрями крашеными...

– А, да это Люся! Чем же она тебя поразила? – удивилась она.

– Она такая, такая... я даже не знаю... Она нормальная?

– Вполне, – пожала плечами тетушка, уже залезая в старенький «Норд». – Возможно, я уже привыкла, что называется, глаз замылился... Она немного полновата, ну и что с того?

– Тетушка, это про меня можно сказать, что я немного полновата, а эта буквально какой-то дебаркадер...

– Бог знает какие вещи ты говоришь, – отмахнулась она. – Обычная женщина, работает в цветочном магазине. Муж у нее очень положительный, Михаил, не пьет, водителем работает, дочка Милочка, три годика... А ты, душа моя, совсем не полновата, ты упитанная, какими и должны быть все нормальные женщины.

– А какая тогда, по-твоему, Инесса?

– Ну... Она модели показывает, у нее именно для такой работы конфигурация...

Только поздним вечером, перед сном, когда впечатления дня немного улеглись у меня в душе, я решилась спросить тетушку, вернее – просто не могла не спросить, хотя больше всего я предпочла бы не знать этого. Какое-то нехорошее, дурное любопытство меня распирало...

– Теть Зин, – позвала я, сидя в ночной рубашке на кровати и болтая ногами. Тетушка сидела в своей комнате за рабочим столом и проверяла тетради, в распахнутой двери был виден ее смешной силуэт, освещенный настольной лампой. – Расскажи про Инессу.

– Про Инессу? – отозвалась та, не оборачиваясь. – А что про нее рассказывать? Очень успешная женщина...

– А... а ее дети?

– Способные мальчики. Наверное, самые способные дети в нашем городе. У них большие перспективы.

– Нет, я не про то. Как она умудрилась... как все это произошло? – Сердце у меня тоскливо сжалось, и я торопливо забралась под одеяло. Стул под тетушкой скрипнул, и она быстро повернулась.

– Да ну, ерунда все это, – торопливо произнесла она. – Стоит ли вспоминать... Разве ты не в курсе?

– Нет, я помню что-то такое, смутное, из детства...

– Почему ты спрашиваешь? Все уже давно забыли, все давно искупилось, все во благо... – робко сказала она, снова склоняясь над тетрадями. – Если и было что-то нехорошее во всей этой истории, то бог давно рассудил и сделал так, что бедной девочке только польза вышла...

– А кто отец детей? – проклиная свое любопытство, спросила я.

– Кто? Неизвестно. Абсолютно неизвестно...

– Ну, хоть какие-то предположения есть?... Она ни о чем не говорила?

Тетушка глубоко вздохнула и отбросила ручку в сторону.

– Ты уверена, что нам стоит продолжать этот разговор? Ведь для твоего здоровья...

– Ну пожалуйста!

– Хорошо, изволь. Инессе только исполнилось четырнадцать, ее отправили на летние каникулы к родственникам, куда-то в южную сторону... Она была чрезвычайно самостоятельная девочка, и родители, ничуть не сомневаясь, отпустили ее одну.

– Дикие южные народы? – ужаснулась я.

– Да говорю же тебе, что ничего не известно. По прибытии к родственникам она была под абсолютным присмотром и в обратный путь отправилась с одной почтенной женщиной... Если когда это и могло произойти, то только тогда, когда она ехала одна в поезде, какой-то негодяй, наверное... Она сказала, что ничего не помнит – где и когда, и чтобы все отстали от нее.

– Может быть, правда ничего не помнит? – задумчиво предположила я. – Знаешь, так бывает с детьми, да и с вполне взрослыми людьми – срабатывает инстинкт самосохранения, память отключается, словно и не было ничего!

– Возможно. По ней нельзя было сказать, что она беременна, узнали только в конце осени, стали гадать да всякие предположения строить... Но она как партизан. Родители чуть с ума не

сошли! Тогда-то все и решили, что случилось это во время южной поездки. Правда, Любовь Павловна с Валентином Яковлевичем исключительные гуманисты, они ее и не допекали совсем – что ж, раз уж случилось... всячески помогали и ободряли, и вообще, делали вид, что ничего особенного и не произошло. Ты знаешь, такое часто случается с молоденькими девочками, только все сразу же бегут к хирургам, а Инесса не захотела. Она ведь очень самостоятельная, даже как-то обмолвилась, что не хотела грех на душу брать... Мальчика называли Глебом, в честь прадедушки.

– Да, они замечательные люди, – задумчиво произнесла я, имея в виду родителей Инессы. – В них есть что-то настоящее, здоровое.

И Любовь Павловна, и Валентин Яковлевич посетили меня несколько раз во время болезни – молодежавые и веселые, в спортивных костюмах, – они вместе бегали трусцой.

– Да, я тебе говорю – доброта спасет мир. Не красота эта, а доброта!

– Доброта и есть красота, – истово заметила я. – А... а во второй раз как же?

– Тайна сия велика есть... – печально заметила тетушка. – Опять все покрыто мраком неизвестности, опять Инесса ни о чем не сказала.

– Дети очень похожи. Может быть, у нее была тайная любовь?

– Н-ну... никто не замечал. Дети похожи, это бесспорно. Только... у нашей докторши, Силохиной, есть этому объяснение – во второй раз был человек, очень похожий на первого. Возможно, Инесса сама захотела этого. Знаешь, с точки зрения психологии...

– О да! – горячо поддержала я, считая себя в некотором роде тоже знатоком психологии – ибо с кем поведешься... – Не так уж много типов внешности, их вполне можно классифицировать. Кто-то смуглый, черноволосый, и все такое... Дети получились якобы похожими, потому что масть совпала. Но вид у них вполне классический, я бы не сказала, что в их внешности сильны какие-то особенные этнические мотивы. Взять, например, Глеба... Это старший мальчик, я не ошиблась? Так вот, он настоящий европеец, ничего кавказского... скорее Испания или Болгария...

– Оленька! – мягко остановила мои размышления тетушка. – Ты уверена, что мы вправе обсуждать чужие проблемы? Какая разница, мы все равно никогда не узнаем, скорее всего, это было случайно, мимолетно... есть же мужчины, которые порхают по жизни, словно мотыльки, и никогда не оглядываются назад!

Помимо жриц любви и извращенцев тетушка очень недолюбливала еще и беззаботных мотыльков.

– А вдруг нет? – оживилась я, чувствуя, что не могу уже остановиться, и почти ненавидя свою болтливость. – Вдруг был кто-то определенный, кто и сейчас ходит где-то рядом, возможно, даже не подозревая... В Тишинске, наверное, не так уж много мужчин с подобной внешностью. Если поискать, наверняка найдется какой-нибудь знойный брюнет, этакий мачо... Ведь Борис, младший, – это точно дитя Тишинска?

– Мало ли тут бывало приезжих... – пожала плечами тетушка, явно тяготясь этим разговором. – Послушай, я понимаю, почему эта тема волнует тебя, конечно, она никого не оставила бы спокойным, но поверь мне – не стоит...

– А вдруг это тот, кого и в голову никому не приходило подозревать! – Меня уже трясла какая-то лихорадка, даже стало трудно дышать.

– Кто?

– Ее отец, например, – выпалила я.

Тетушка молчала минуту, потом с глубоким отвращением произнесла:

– Фу! Как ты можешь такие гадости... ах, дитя мое, в мире случаются всякие мерзкие вещи, но это не тот случай...

Она страшно раскудаhtалась, да и я с невольным стыдом припомнила, что Валентин Яковлевич русоволос и светлоглаз и он настолько мил и серьезен, что, наверное, застрелился бы, если б узнал, что о нем так думают.

– Ну ладно, беру свои слова обратно, – задыхаясь, сказала я. – А какой-нибудь сосед? Филипыч, например, или мистер Молодцов?

– Да что ж ты так... – рассердилась тетя Зина. – Ладно, я отвечу тебе – в двух этих случаях тоже, как ты выражаешься, не та масть, к тому же мы об этом думали тогда... У Молодцова полнейшее алиби на то время, когда Инесса могла забеременеть, – он находился в длительных командировках, а Филипыч... опять же я повторяюсь, – не та масть, да и по характеру он неспособен... Тогда была жива-здорова его мать, и он находился под неусыпным ее приглядом и шагу не мог ступить, и потом...

– Что? Ну что?

– Когда долгое время живешь с людьми, невольно обращаешь внимание, как они ведут себя друг с другом, голос, манера, всякие мелочи... Отношение Инессы никак к нему не изменилось – то же снисходительно-насмешливое... Да и он никак не проявил себя по отношению к Инессе, к родившимся детям. Кстати, как раз в то время он особенно бурно воевал со своей матерью – она запрещала ему жениться на одной симпатичной женщине, тоже одинокой... на вдове.

– Вдова Чернова? – внезапно озарило меня.

– Да... ты в курсе?

– Так, просто предположение. Только я не назвала бы ее симпатичной.

– Дитя мое, это было много лет назад, а ведь, как известно, годы женщину не красят, но в то время, можешь мне поверить...

– Ясно! – перебила я тетюшку, страдая и злясь. – А ведь были же другие соседи!

– Ты про князя?

– Кажется, он был стариком? Ну и что с того! – Меня несло все дальше и дальше. – Бойтесь всех мужчин, старых и молодых, они до смерти способны к тому, чему предназначила их природа, ни на мгновение нельзя расслабляться... Какого он был цвета? Тьфу... то есть масти?

– Ну... я уже не помню, – недовольно произнесла тетюшка. – Плешивый. Желтый и сморщенный. Оленька, ей-богу, к чему все это...

– А я читала один рассказ, очень давно, – как одна девочка родила от старичка-соседа, и на него никто не подумал – именно потому, что он был стар! Кажется, у Солоухина... Нет, у Улицкой!

Тетюшка обреченно вздохнула.

– Николай Александрович умер задолго до рождения Бориса. Где-то в промежутке... я уже не помню когда, но задолго. Его звали Николаем Александровичем. Я тебе уже говорила – из бывших, из благородных...

– Вот-вот, именно такие...

– Оля, немедленно прекратим этот разговор, – строго сказала тетя. – Я боюсь за тебя.

Я уже молчала, потому что никаких других идей у меня не было, хотя странное, нетерпеливое желание разгадать тайну Инессы жгло меня. В самом деле, не могла же я напрямую спросить у нее? Инесса засмеялась бы насмешливо, потрепала бы меня по щеке и сказала бы, чтобы я занималась своими делами. Которых у меня не было.

– Как скучно, скучно... – пропела я, закутываясь в одеяло. Перед моими глазами смутно маячило чье-то лицо – чье, не разглядеть было, но я хорошо знала этого человека. Он падал передо мной ниц, прикасался к моим ногам, потом проводил языком от колена до середины бедра... о, это было щекотно и неприятно – как язык оставляет на коже свой влажный и горячий

след, и я ненавидела этого человека всей душой, потому что никогда, до самой смерти, не отмыть этого следа. Это был мой давний сон...

С тихим писком я выскочила из-под одеяла, воздух перестал попадать в мои легкие.

– Что? – перепугалась тетушка, вскакивая со стула. – Тебе плохо, детка?!

– Нет, все хорошо. – Постепенно дыхание вернулось ко мне. – Это так, глупости все...

– Это от волнения! – авторитетно вскричала тетушка. – Не надо было мне затевать этот глупый разговор, ты слишком разволновалась. Недаром же твой... как его – Ян Яныч, говорил... покой и только покой!

– Все хорошо, – с облегчением прошептала я, ложась на подушки. – Я больше не буду.

– Детка, – трепеща, робко начала тетя Зина. – Не кажется ли тебе, что ты постоянно возвращаешься мыслями к тому человеку? Что любой намек...

– Тс-с! – сказала я. – Никогда. И вообще, отстань от меня, я засыпаю...

Я и в самом деле засыпала, но даже в этом промежутке между сном и явью продолжала думать об Инессе. Никто не совершал над ней насилия, глупая напраслина на горячих южных мачо, она сама захотела. И комплексов у нее никаких нет именно потому, что она делала только то, что считала нужным. Ей захотелось – пубертат и все такое, гормоны играют, – и случилось то, от чего родились ее дети. И она не сказала именно потому, что не хотела никого обвинять, потому что сама творила свою жизнь, не оглядываясь на других людей и общественную мораль. О, какое у нее веселое, живое лицо – ни тени страдания... Действительно, не стоит гадать, кто был отцом Бориса и Глеба, может быть – сам бог? Нет, это кощунство, нельзя так думать...

На следующий день я проснулась от того, что кто-то диким голосом вопил за окном:

– Ешь! Я тебе говорю, дрянь такая, – ешь!

Я посмотрела на часы – половина одиннадцатого, тети Зины давно и след простыл, поверх стула в ее комнате лежал махровый халат, больше похожий на шкуру убитого медведя.

Я встала и осторожно подошла к окну. Напротив, в соседнем доме, Люся кормила с ложки крошечную девочку, наверное, свою дочь Милку. Именно эта девочка была той дрянью, которая решительно отказывалась от еды.

Все тело Люси тряслось, как желе, ходило равномерными волнами – от двойного подбородка до круглых икр. Не без любопытства я посмотрела вниз – у меня верхняя часть ног в обхвате была того же размера, что у нее – нижняя. Настоящая Брунгильда. Не Люся, а какая-то Люсинда.

Чувствовала я себя прекрасно, и новый день тоже обещал хорошую погоду, а больше мне ничего и не надо было. Спрятавшись за занавеску, я наблюдала, как почтенная матрона исходит гневом и возмущением, пытаясь впихнуть в свою дочку что-то густое, белое и тягучее, вроде манной каши. На веранде, за обеденным столом, сидела еще какая-то старушка, неподвижная и безучастная к воплям Люсинды. На Люсинде был элегантный пеньюар бледно-лилового цвета, весь в рюшечках и кружевных цветах, и опять она показалась мне чуть ли не сумасшедшей. Знаете ли, иногда можно встретить таких чрезмерно расфуфыренных теток, от которых шаркаются все прохожие, ибо количество кружев и оборочек перехлестывает все нормы. Вот у нас в Москве была, например, женщина в соседнем дворе, которая сама шила себе платья а-ля маркиза Помпадур и гордо вышагивала в них по городу...

Сначала я боялась, что наша соседка приберет девочку, на ее фоне выглядевшую совсем дюймовочкой, но мои опасения были напрасны – Люсинда и пальцем к ней не прикоснулась, только орала да пыхтела, как лошадь (даже через улицу было слышно).

Девочка была прехорошенькая – как куколка, про нее можно было сказать, что она тоже являлась копией Мэрилин Монро, только сильно уменьшенной. Лицо у маленькой Мэрилин выражало крайнюю степень невозмутимости, она, как и старушка рядом, никак не реагировала на вопли Люсинды, словно однозарядный магнит, кукольная мордашка отворачивалась

от протянутой ложки. Ложка туда – девочка сюда, ложка сюда – девочка туда, и так до бесконечности...

– Ешь, дрянь такая, ты мать в гроб вгонишь! Ешь немедленно!

Несколько минут, словно завороченная, я смотрела на эту сцену. Удивительно, как у таких обширных женщин вроде Люсинды рождаются такие крошечные, миниатюрные девочки! Наверное, она и не заметила, как носила ее. Удивительно славная малютка! Было бы печально, если с течением времени она превратилась в копию своей мамы. Правильно, миленькая, не ешь...

Мимо, скрестив руки на груди, прошмыгнула вдова Чернова, с выражением набожности и терпения на лице, скользнула взглядом по нашим окнам. Обычно я редко выхожу из дома одна, только по необходимости, но здесь, в Тишинске, у меня не было таких приступов агографобии², как Москве. Я быстро оделась и вышла из дома с твердым намерением совершить культурно-познавательную прогулку. Конечно, можно дождаться тети Зины, но она в последнее время задерживается в своей школе надолго, под предлогом грядущих выпускных.

Внизу, возле лестницы, сидел Филипыч и читал газету.

Мне стало вдруг смешно, когда я вспомнила свои вчерашние подозрения.

– Добрый день! – сердечно поздоровалась я.

Он сглотнул и тихо ответил:

– Добрый день.

Ровной походкой человека, который хорошо знает, что он делает, я дошла до конца улицы – ровно до того поворота, где мы были вчера с Инессой. Именно со вчерашнего дня я дала себе слово походить на Инессу, которую никакие жизненные трудности не могли сломить.

– Ладно, – сказала я себе. – Что такого ужасного в том, что я решилась прогуляться одна, почему я так нервничаю?

Было тихо, и пахло зацветающей черемухой.

Потом я увидела Глеба, одного, – он стремительно катился вслед за мной. «Здесь каждый день похож на другой, – благоговейно подумала я. – Все повторяется».

– Привет, – сказал он, когда нагнал меня. – Гуляете?

Одет он был просто, как и любой другой подросток, – джинсы да майка, но его волосы, его лицо, весь он с головы до ног... Он был нереально красив, словно прилетел с другой планеты. «Его отец – инопланетянин, – вдруг мелькнуло у меня, перекормленной «Секретными материалами», в голове. – Ну да, говорят, подобное случается – женщину похищают, оплодотворяют на инопланетном корабле, на тарелке то есть... потом с миром отпускают, а она ничего не помнит. И так два раза».

– Привет, – сглотнув, тихо ответила я.

– Как вам город? – Глаза у него были светло-карие, с золотыми блестками, как у матери.

– Ничего... – бодренько ответила я и тут же спохватилась: – А ты почему не в школе?

– У нас три урока только. Потом отпустили, боясь, наверное, что не все шпоры успеем написать. А у Борьки по полной программе – шесть уроков. Мучают салажат!

Он напоминал мне одного то ли французского, то ли итальянского актера, только вот фамилия вылетела из головы...

– Понятненько...

– Вы такая растерянная, – мужественно сказал мне он. – Хотите, я вас провожу?

– Нет! – испугалась я. – Я сама.

Он был столь красивым, что находиться рядом с ним казалось невозможно – хотелось плакать и молиться.

– Как знаете, – пожал Глеб плечами и покатил дальше.

² Здесь боязнь толпы.

Взбодренная этим разговором, я свернула на следующую улицу, обнаружила аптеку, купила там на всякий случай капли от насморка (старые уже почти кончились), а далее ноги понесли меня в центр города. То, что это центр, я определила по большой мощеной площади, на одном краю которой стоял гранитный бюст какого-то бородача.

Народу здесь было довольно много, у продуктового толпилась очередь, а когда я подошла поближе, то услышала возмущенные речи про только что привезенных живых карпов, которых якобы может и не хватить на всех желающих. Далее шла вереница других магазинов – одежды, обуви, промтоваров, алкогольных напитков, торговали семечками и собачьим кормом... Я прогуливалась и глазела на все подряд.

Возле огромной витрины шикарного ателье я стояла дольше всего – там много чего было вывешено, и довольно интересного, – в который раз я убеждалась, что провинция старается нагнать столицу, но особенно мне понравилось платье невесты – пожалуй, еще никогда я не видела такого красивого платья. Жемчужно-белое, с низким лифом и жестким на вид корсажем, который мог утянуть, наверное, любую талию, с пышной легкой юбкой, из-под которой выглядывали многослойные кружева. Оно было все усыпано голубоватым жемчугом разного размера – настоящим или нет, я так и не поняла...

Мне это платье понравилось именно тем, что оно навевало какие-то трогательные, пасторальные мысли... Если б я была в таком платье на своей свадьбе! А кто же рядом? Я вздрогнула, почему-то представив рядом с собой то лицо, лицо из моих снов, которое я мечтала забыть навсегда, которое я ненавидела и презирала.

«Думать о чем-нибудь приятном и хорошем!» – повторила я про себя установку Ян Яныча, которую мне было необходимо говорить в трудные моменты жизни, и тут глаза мои наткнулись на магазинчик сувениров, который находился в низеньком одноэтажном домике. «Сувениры! Ах, как прочищают мозги эти милые безделушки, надо непременно что-нибудь приобрести...»

Звякнул колокольчик у дверей, когда я впорхнула в маленький полутемный зал, где пахло индийскими благовониями и русским ладаном, словно в церкви. Ни одного посетителя. Пусто и пустынно.

– Очень приятно, чего желаете? – поднялся из-за прилавка мужчина средних лет в пестрой косыночке и с огромной серьгой в ухе.

– Я? Собственно, ничего конкретного... – промямлила я, оглядываясь по сторонам. – Я хотела бы сначала посмотреть.

– Все к вашим услугам, – продавец сделал широкий жест волосатой рукой. – Спрашивайте.

Это был типичный магазин сувениров, более рассчитанный на приезжих, чем на привычных обывателей. По стенам расставлены ряды матрешек, скопления гжели и хохломы, лежали и висели пестрые павловопосадские платки и жостовские подносы, резные фигурки из слоновой кости, китайские певучие трубки и колокольчики, подсвечники и веера, бронзовые бюстики известных деятелей и серебряные колечки... Я ходила вдоль стен, и ни на чем мой взгляд не мог остановиться.

– А что-нибудь этакое... – я пошевелила пальцами. – Местное?

– Ну конечно, – немного обиделся продавец. – Вы идите сюда, ближе, прямо передо мной целый стол тишинской глиняной игрушки!

В самом деле, туда я еще не решилась подойти.

– Какие миленькие! – восхитилась я, увидев смешного медвежонка с такой печальной и недоумевающей мордахой, что невольно хотелось улыбнуться. Далее был оторопелый взъерошенный котенок, хитрая лисица и прочие гуси-лебеди... Все они были сделаны из глины, разрисованы краской и очень забавны. Я никогда еще не видела таких игрушек – у каждой было

свое настроение... ах нет, у тети Зины лежал на буфете глиняный тигр с тигрятами! Наверное, из той же оперы...

– Выбирайте любого, – милостиво предложил мне продавец. – Вторую фигурку даю бесплатно.

– Вот этого, – указала я на медвежонка. – Только, пожалуйста, дайте в пару что-нибудь соответствующее...

Из сувенирной лавки я выбралась с двумя славными зверятами – медвежонком и зайцем, и, признаюсь, довольно долгое время брела по городу, разглядывая только свои покупки. Опомнилась я тогда, когда поняла, что нахожусь в каком-то производственном квартале – гудели бетонные цеха, тянулись мрачные заборы...

– Батюшки! – спохватилась я. – Куда это я попала!

Я попыталась найти дорогу по памяти, но очутилась в совершенно незнакомом месте. Кроме того, в конце одной улицы я увидела шумную ватагу подростков, которые кричали что-то не вполне литературное, и бросилась в противоположную сторону. Тишинск оказался не таким уж маленьким городишком, я могла проискать тети-Зинин дом до самого вечера.

Самое неприятное заключалось в том, что я не помнила названия улицы, на которой мы жили. В самом деле, зачем мне было название, если я писем тете не писала, пользуясь лишь междугородной телефонной связью, до своего дома она довела меня сама, а по улице я гуляла, не обращая внимания на надписи.

Мне стало неудобно.

Тут я сообразила, что могу спросить у прохожих, как добраться до центральной площади, а уж там как-нибудь найду обратный путь... Я кинулась к тетке с авоськами, потом к старику в кирзовых сапогах, потом к какой-то девушке в тапочках и в байковом халате. Во-первых, оказалось, что площадей в городе несколько и на некоторых тоже есть сувенирные лавки и Доски почета, во-вторых, старик был глухой, а девушка немая, она принялась бойко объяснять мне что-то на пальцах...

Разумеется, ничего страшного в этой ситуации не было – сосредоточившись, я вполне могла бы найти дорогу обратно, но вот именно это у меня и не получалось – сосредоточиться я никак не могла, и, кроме того, мне вдруг захотелось плакать.

Я села на лавочку в каком-то пыльном голом скверике, достала носовой платок и вытерла первую горячую слезу. Как мне показалось, медвежонок и заяц посмотрели на меня с испугом и мольбой. Им тоже хотелось домой.

И вдруг, уже вытирая четвертую слезинку, я заметила нечто знакомое. Мимо скверика шла женщина в эффектном розовом костюме, с розовым тюрбаном на голове, из-под которого игриво выбивались колечки смоляных локонов, с измученным и одновременно надменным лицом, по бокам оного мерно раскачивались огромные бряцающие серьги. «Мадам Молодцова!» – чуть не завопила я, но потом спохватилась – обращаться так к этой даме было не тактично. А как ее зовут? Этого я тоже не помнила...

Она шарахнулась от меня, когда я выскочила навстречу, прижимая к груди глиняные игрушки, и зататорила:

– Пожалуйста, мне надо домой, я заблудилась...

– Оленька! – изумилась она, узнав меня. – Что ты тут делаешь? Гуляла? Сейчас-сейчас, через пятнадцать минут мы уже будем дома...

Она принадлежала к племени тех неудовлетворенных женщин, которые, даже жалея, обдумывают то, как будут рассказывать о случившемся своим подругам, в каких выражениях и с какими фарисейскими интонациями. Я кожей чувствовала таких женщин, потому что представляла для них великолепную тему для обсуждения. Конечно, я до смерти обрадовалась чудесному появлению знакомого лица, но тут же попыталась утихомирить свои нервы, ибо мадам Молодцова разглядывала меня с хищным, радостным видом...

– Заблудилась? – ласково повторила она. – Ну что ж, с кем не бывает... В первый раз со всяким может случиться. Однако это странно – в нашем городишке, кажется, совершенно невозможно заблудиться...

Я принялась ей объяснять, как такое могло со мной произойти, но она продолжала смотреть на меня многозначительно.

– Всего пятнадцать минут до дома... – пропела она. – Ты, кажется, плакала?..

Вместо пятнадцати минут мы потратили битый час на обратную дорогу – моя соседка непременно захотела купить живых карпов, которые и не думали кончаться, потом ее понесло куда-то в сторону, на рынок, – за молодой редиской...

– У меня муж, – важно сказала она. – А мужа надо хорошо кормить. Если будешь кормить плохо, то он непременно сбежит. Ты ведь еще не была замужем, Оленька? И не собираешься?

Я принялась торопливо отрицать свое стремление к узам Гименея, отчего спутница моя возбудилась еще больше.

– Напрасно, – строго произнесла она. – Надо всегда об этом думать. Ты, конечно, молода еще, но молодость кончается незаметно, кавалеров быстро расхватают всякие хищницы, – про «хищниц» она упомянула с особой ненавистью, – и что тогда?

– Что?

– Одиночество! – с торжеством провозгласила она и в порыве рвения купила еще полотенец у торговавшей на улице старушки. – Льняные... Аким Денисович очень любит растираться после душа жесткими полотенцами. Так вот... нет ничего страшнее для женщины, чем одиночество!

«Аким Денисович, – мысленно повторила я. – Как бы их всех не перепутать...» – и тут же позволила себе усомниться вслух насчет ее последней фразы.

– Как? – ужаснулась Молодцова. – Ты не согласна с тем, что для женщин нет ничего страшнее одиночества?! Вот послушай... у меня есть три подруги. Катенька, Настенька и Викуля... Все одинокие. Представь себе женщин, у которых нет ничего в жизни, нет существа, ради которого... Чем заполнена их жизнь? Они вяжут крючком! Все три. И, потом, болезни разные женские, которые от возраста и холостой жизни возникают...

– Можно книжки читать, – я решила не соглашаться. – Ходить в музеи... Любоваться природой. В конце концов, можно заботиться и о собачке какой-нибудь...

Говоря это, я живо представила себе Нинель Соломоновну с ее французской бульдожкой.

Мадам Молодцова демонически расхохоталась, отчего воробьи на соседнем дереве с чириканьем разлетелись в разные стороны.

– Музеи, природа... – с горечью произнесла она. – Нет, это все слова. Вот у меня есть Аким Денисович, а значит, есть и смысл в жизни. Детей бог не дал, ну и не надо, дети нынче какие-то не такие... хуже врагов. Аким Денисович – мужчина умный, видный, всякая такого бы захотела! – с ненавистью резюмировала она.

«Были прецеденты», – подумала я.

– Нельзя всю свою жизнь ставить на одну карту, – произнесла я вслух.

– Можно! – истово сказала она. – Больше ничего нет, нет и нет – уж поверь мне, я достаточно пожила...

Меня, волей-неволей феминизированную Москвой, такая позиция не устраивала.

– Наверное, вы его любите очень, – великодушно разрешила я конфликт.

– Что? Ну да... хоть и сволочь он порядочная. – Мадам опять вспомнила о чем-то неприятном, отчего лицо ее съежилось и посерело. – Да только не получит она его. Лишь через мой труп! Что ж, мне одной на старости лет куковать? Как Настенька, Катенька и Викуля?.. Нет уж! Я вот соленой кислоты достану...

– Соляной, – машинально поправила я. «Ситуация еще не разрешена...»

– Вот именно, – нервно согласилась она. – Пусть боятся. Любовь-нелюбовь... это тоже все ерунда, главное – не остаться без мужчины, а то – болезни, сумасшествие, тоска...

Я предпочла не спорить с Молодцовой и всю остальную дорогу шла молча, хотя меня так и подмывало рассказать ей о клинике неврозов и о женщинах, которые не умеют жить для себя. «Он ее бросит, – грустно подумала я, глядя на встрепанную, нескладную фигуру своей спутницы, которая тщетно рядилась в розовые цвета. – Потому что она его ненавидит».

...Под вечер уже весь дом знал, что я заблудилась и ходила по Тишинску, рыдая и прося каждого встречного-поперечного о помощи, причем, как испуганно сообщила тетя Зина, вид у меня был настолько жалкий, что...

– О господи! – застонала я. – Надо было мне встретить именно ее! Тетушка, а кстати, как ее зовут?

– Кого? Молодцову? Клавдия Степановна... Душа моя, может быть, тебе не стоит одной, без сопровождающих, выходить из дома...

– Клавдия! – с горечью воскликнула я. – Так я и думала...

– Вот что, – энергично прервала поток моих причитаний тетушка. – Раз уж тебе непременно надо развлекаться, то пойдем сегодня в библиотеку, там в половине восьмого литературно-музыкальный вечер, посвященный грядущему юбилею Александра Сергеевича.

– Какого еще Александра Сергеевича?

– У нас только один Александр Сергеевич! – страстно воскликнула тетя Зина. – «Я памятник воздвиг себе...» Кстати, надо сбегать в парикмахерскую, а то у меня на голове что-то... несоответствующее.

На мой взгляд, вид у тетушки был вполне подходящий – короткие полуседые кудряшки, которые венчиком обрамляли ее оптимистическое круглое личико и даже делали похожей на любимого классика.

Я вышла на балкон – ни Люси, ни ее дочки Милочки не наблюдалось, лишь неподвижная старуха в темном платье, мать главы семейства, стояла посреди двора.

– Вот она, Ольга! – воскликнул кто-то радостно, и, повернув голову, я увидела на соседнем балконе, который находился стык в стык с моим, Инессу. Сегодня она была особенно хороша – в узком темно-зеленом платье, делающем ее похожей на змею, края коричневых ресниц и кончики бровей были чуть тронуты золотой тушью. «Как Хозяйка Медной горы в «Каменном цветке» Бажова», – невольно подумала я. Моя соседка была так неотразима и ошеломляюща, что я ничуть не удивилась бы, если б узнала, что именно ее похищали инопланетяне для своих экспериментов.

– Ты уже знаешь историю моего путешествия по Тишинску? – предупреждая всякие расспросы, спросила я. – Так вот – половине из вышесказанного не верь.

– И не поверила! – повела своими фантастичными ресницами Инесса. – Впрочем, ты могла и не говорить этого – я Молодцову знаю как облупленную. Как ты себя сегодня чувствуешь?

– Хорошо.

– Не хорошо, а отлично! Тогда я предлагаю тебе вместе со мной и Владимиром Ильичом посидеть этим вечером в одном чудесном погребе, наслаждаясь вином и дичью. Ты любишь дичь? Мой жених угощает...

Первым моим желанием было откликнуться на это предложение, потому что Инесса насколько мне не нравилась, настолько и привлекала меня к себе, но тут я вспомнила о тетушкиных планах.

– Увы! – сказала я. – Сегодня в библиотеке литературно-музыкальный вечер, посвященный юбилею великого поэта... Тетя Зина уже побежала в парикмахерскую.

– Что ж, Пушкин вне конкуренции, – светло, без всякой обиды улыбнулась Инесса и исчезла, послав мне воздушный поцелуй на прощание.

Я просидела на балконе до самого прихода тетушки, оглядывая окрестности и прохожих, и заметила одну странную вещь. Старуха Потапова, если на нее смотреть прямо, была всегда неподвижна, а стоило чуть отвести взгляд, а потом вернуть его обратно – она находилась уже в другом месте, в другой позе. Мне никак не удавалось застичь ее в движении... «Какая-то дискретная старушка... Просто мистика!» – решила я.

Потом пришла тетя Зина с новой прической – буйные ее кудряшки присмирели и теперь лежали ровными волнами, надела новую кофточку, щедро расшитую люрексом, и потащила меня за собой.

– Ах, дитя мое! – щебетала она по дороге. – Все говорят, в провинции жизнь скучная, – но это неправда! Человек ищущий, человек, имеющий идеалы, всегда может найти себе культурный досуг. У нас в Тишинске три кинотеатра, один из которых летний и вот-вот откроется, и даже драматический театр... А что? В крупном городе актеру трудно найти достойную роль, трудно пробиться к народу, у нас же все они известны и почитаемы, ибо только они у нас и есть. Все их наизусть знают, весь район, – и в полях, перед простыми сельскими тружениками неоднократно играли... Будет наш премьер Баринов, удивительно эффектный мужчина, изумительно читает Пушкина... пьет, правда – но кто нынче не пьет! – зато дело свое хорошо знает, в любом состоянии с рифмы не сойдет. Поля Полетова – это ее псевдоним, великолепно поет арии, настоящее меццо-сопрано, ее даже в Большой звали, но она почему-то отказалась – настоящая патриотка, мы сейчас хлопочем, чтоб ей новое звание дали...

Если тетушке давать волю, она могла бы болтать не останавливаясь – чем она сейчас и занималась, благо я не прерывала ее.

И только когда мы подходили к библиотеке, расположенной в старинном здании с колоннами, я, очнувшись от задумчивости, вдруг спросила:

– Теть Зин, как ты думаешь, меня здесь никто не найдет?

– Никто! – легко пообещала она. – Никто-никто. Будем только ты, да я, да мы с тобою... Тебе ведь лучше здесь, чем в Москве? Ведь правда лучше?

– Правда, – ответила я искренне.

...Партер был полон. Весь довольно большой читальный зал библиотеки был заставлен стульями, на которых сидели лучшие люди города Тишинска, цвет его интеллигенции – я, правда, никого не знала, но лица у всех присутствующих были вдохновенные и просветленные. Впечатление портила только одна старушка, которая спала на заднем ряду, сложив на животе ручки с забытым вязаньем. Наверное, ее муж бросил...

Мы с тетушкой уселись на почетном первом ряду.

Тут же боковая дверь распахнулась, и на импровизированную сцену вышел немолодой плешивый мужчина с огромным носом, растущим куда-то вбок, и, нервно улыбнувшись, начал:

– Господа! Сегодня мы открываем декаду пушкинских вечеров, посвященных жизни и творчеству великого поэта...

«Декаду! – восхитилась я. – Нет, в самом деле, какой размах, не всякая столичная библиотека отважилась бы посвятить столько времени хотя бы и Пушкину... Люблю ли я Пушкина? «Мне грустно и легко, печаль моя светла...» О да, только мне грустно и тяжело, а печаль моя чернее ночи».

– ...кем бы мы были без него? Он наше солнце, он наше все, он поднял на небывалые высоты отечественное самосознание и судьбы России...

Зубы у мужчины были кривые, и это мне очень мешало сосредоточиться.

– Кто это? – суровым шепотом спросила я тетушку. – Неужели твой хваленый Баринов?

– Господь с тобой! – едва слышно прошепел в ответ та. – Это Марк, заведующий библиотекой.

Марк говорил долго и со вкусом – кое-кто в зале тоже начал впадать в сонное оцепенение, как и старушка на заднем ряду, но потом на сцену вырвался красавец-мужчина в сопровождении хмурого аккордеониста, и тут я поняла, кто такой Баринов.

– «Подъезжая под Ижоры!» – громогласно заявил он. – Чьи слова – вы и сами знаете...

В зале добродушно захихикали.

От первой ноты, которую взял великолепный Баринов, у меня мурашки по спине побежали – пел он громко и с такой страстью, что у меня засосало в желудке. Был Баринов черен, гриваст, слегка небрит и отечен, что выдавало его привязанность к зеленому змию, но при том знойно красив – немудрено, что в читальный зал набилось столько желающих, в основном женщин средних лет.

– Сначала мы думали, что это он... – одним дыханием шепнула мне тетя Зина.

– Что «он»? – тоже едва выдохнула я, не сводя глаз с великолепного Баринова.

– Ну, что он отец детей... Помнишь тот разговор про Инессу?

Я крепко стиснула тетушкину руку.

– В те времена он был молод... Наш друг Силохина для того, чтобы найти истину, вернула необычайный план, под предлогом диспансеризации... но выяснилось, что Баринов бесплоден. Абсолютно и безнадежно. Знаешь, нескромно об этом говорить, но из-за этого он пользуется большой популярностью у местных дам...

Сзади на нас зашикали, и тетушка была вынуждена замолчать.

Потом на сцену вышла худая маленькая женщина в длинном черном платье, с таким измученным, печальным лицом, будто она знала день своей смерти и день этот был совсем близок. Это была Полина Полетова – знаменитое меццо-сопрано города Тишинска.

– Была женой Баринова, – тетушка не могла долго молчать. – Прожили вместе десять лет, пели все заглавные партии... Склонность мужа к алкоголю и к частым амурам на стороне едва ее не убили. Хотела выпить уксусной кислоты, но потом передумала – стало жаль голосовые связки, она просто ушла от него.

Полетова спела про черную шаль, потом арию Татьяны из «Евгения Онегина», потом еще несколько романсов на стихи Пушкина... Далее силами местной самодеятельности был разыгран «Каменный гость», но у меня из головы все не шла эта Полина Полетова с ее неземной печалью. И не только Полетова – мадам Молодцова, еще другие, даже Инесса...

– Теть Зин, ты любила когда-нибудь? – спросила я, когда мы поздним вечером возвращались домой.

Видимо, литературно-музыкальный вечер тоже настроил мою тетушку на лирический лад.

– О да! – горячо отозвалась она. – Но очень давно.

– Почему не вышла замуж? – строго спросила я.

– Почему? Соперница его увела.

Это известие переполнило чашу моего терпения.

– Да что ж это за жизнь такая! – в отчаянии вскричала я. – Все время какие-то драмы и трагедии, нет ни одной истории, где было бы все просто и хорошо, чтоб жили долго и счастливо и умерли в один день... Даже если внешне все вроде бы пристойно, непременно какой-нибудь скелет в шкафу, какое-нибудь чудовищное предательство, рубцы и незажитые раны, отчего сразу хочется выпить уксусной кислоты. Вполне понимаю вашу примадонну...

– Господь с тобой! – замахала руками тетушка, разгоняя комаров. – И... и давай на какую-нибудь другую тему поговорим! Что-нибудь абстрактное, легкое... Каким ты видишь будущее постмодернизма? – моментально придумала она.

Я чуть не сказала нехорошее слово в адрес постмодернизма, но вовремя сдержалась. С тетушкой следовало разобраться.

– Нет, ты меня не сбивай! Почему ты позволила его увести? – пристала я к ней. – Надо было бороться! И, кстати, кто он? Почему я ничего о нем не знаю?

– Кто был моим женихом? – переспросила тетушка, тут же вновь впадая в элегическое настроение. – Герман Эрастович Соболев, нынешний мэр нашего города.

– Вот это да!

– Но это было давно, дитя мое, очень давно... Я уже ничего не чувствую, вспоминая о прошлом, – ни сожаления, ни радости... Как будто это было не со мной, а с кем-то другим. Знаешь, я гляжу на плакаты с его лицом – а они ведь висят на каждом углу у нас – и вижу какого-то другого человека, не того, кого я любила когда-то.

– Ну почему же ты позволила увести его! Сейчас была бы мэрской женой, не сидела бы ночами над тетрадками, а в меру сил занималась какой-нибудь благотворительностью...

– Во-первых, я люблю свою работу, – резонно возразила тетушка. – А во-вторых, будь я сейчас его женой, Герман Эрастович, возможно, до сих пор был бы учителем математики в нашей школе. Его жена...

– Твоя соперница, да?..

– Ах, бог с тобой, ни с кем соперничать я не желаю... так вот, она очень энергичная женщина, это она, можно сказать, продвинула его. Не только связями своими, но и умом, советами...

– Ну да... – вздохнула я. – С такими особами невозможно соперничать.

– А я ведь осталась в Тишинске именно из-за него, потому что очень ждала его первое время, – это тоже одна из причин... Потом уж забыла, жизнь засосала, стало страшно менять свою жизнь. Нет, правда, мне здесь очень хорошо! – радостно воскликнула она, но мне ее радость не передалась, я шарила в сумочке в поисках носового платка...

* * *

...Днем прошел дождь – настоящий майский, с грозой и страшными черными тучами, но сейчас уже ничто о нем не напоминало, дорога была суха, стремительно, за полчаса испарились многочисленные лужицы на неровном асфальте, лишь одуряюще пахло сиренью – гораздо сильнее, чем обычно.

Я занималась своим любимым делом – сидела на балконе и пялилась на окрестности. На коленях у меня лежала раскрытая книжка, но я ее не читала, «Вешние воды» были лишь оправданием моего безделья. В самом деле, а чем еще заниматься? Телевизор тети Зины ловил лишь три программы, друзей у меня здесь не было, сама тетушка пропадала в школе, вот-вот должны были начаться выпускные...

«Но все лучше, чем в Москве, – сказала себе я. – Там бы я окончательно сошла с ума, там бы меня нашли, там бы мне снова стали резать душу на кусочки, там все напоминает о прошлом, о маме, там... Нет, лучше не вспоминать!»

Старуха Потапова действовала в своем обычном дискретном режиме – она неуловимо появлялась на пороге, словно материализовывалась из воздуха, потом ее неподвижную фигуру можно было увидеть на крыльце, далее она оказывалась посреди двора, затем снова исчезала... Она напоминала мне минутную стрелку на часах – если глядеть не отрываясь, движения ее не заметить, но стоит отвернуться и снова проверить время, как стрелка окажется уже в другом месте.

Загрохотал старый грузовик, остановился напротив, из него вылез Потапов, глава семейства, мужчина мрачный и молчаливый. Был он невысок ростом, но на удивление коренаст, на его плечах могли свободно поместиться еще три головы. Впрочем, и одной хватало с лихвой – круглой, с мясистым лбом, выпирающими надбровными дугами. «Минотавр, – прошептала я, придерживая страницы у книги, с которыми играл ветер. – Он – Минотавр...»

Маленькая Милка, при всей своей кукольной прелести, явно пошла в отца характером – так же молчалива и мрачно-невозмутима... На крыльцо выплыла Люсинда, спесиво посмотрела на меня через дорожку – я тут же уткнулась в книгу, пряча улыбку.

На ней был опять какой-то невероятный пенюар, в духе мадам Дюбарри – что-то легкомысленное, кружевное, атласное, – тугой атлас переливался при каждом Люськином движении, играл на солнце... Люська была примерной женой, она истово выполняла супружеский долг – встречала своего Минотавра после работы при полном параде, поливала его бычьей шеей водой из ведра, тут же на веранде разливался огненный борщ в тарелки, доставалась литровая банка сметаны из погреба...

Появилась и Милка, но в обеде она принимала участие символическое.

– Ешь! – свирепо заорала Люська, тыча ей в лицо ложку с жирным борщом. – Ешь, дрянь такая, ты меня в гроб вгонишь!

Минотавр строго посмотрел на жену, и та моментально замолчала...

– Ага, ты опять здесь! – услышала я знакомый голос. Инесса вышла на балкон, покурить.

– Добрый вечер! – вежливо сказала я.

– Добрый, добрый... Что, наблюдаешь семейную сцену? – шепотом спросила она, едва кивнув по направлению к соседнему дому. – Очень колоритное семейство.

– А что еще делать?

– Да, мне тоже скучно... – Она потянулась, как кошка, в легком темно-вишневом платье, зевнула, показав идеальные острые зубы. «Безупречна, – подумала я машинально, – безупречна во всем...»

– Что же делать? – машинально повторила я свой риторический вопрос.

– В редакцию сегодня не пошла – ничего срочного, номер уже сверстан, Владимир Ильич уехал в Германию на недельку, и вообще... Пойдем-ка сходим в парк. Ты была в нашем парке?

– Да, кажется... Там, где карусели, шашлык жарят? – задумчиво пробормотала я.

– Это новая часть, я ее не люблю, – с вдохновением возразила Инесса. – Значит, в старом парке ты еще не была.

– Сейчас, я только переоденусь...

Странно, но при всей своей неприязни к этой женщине в ее присутствии я чувствовала какое-то возбуждение, словно часть той энергии, что кипела в ней, передавалась в меня. Рядом с ней хотелось ощущать себя такой же блестящей и привлекательной.

Я скинула с себя старый тети-Зинин халат, в который пряталась, как в кокон, – полная отрешенность от внешнего мира, будто лохматая махровая ткань была прочнее бетона, и достала из скрипучего шифоньера свое любимое голубое платье. Я редко надевала его, помнится, последний раз это было в прошлом году, еще до маминей смерти, в те короткие дни, когда она особенно хорошо себя чувствовала – кто знал, что перед самым концом бывает такой прилив сил, но мне было так хорошо тогда, я радовалась за маму и не боялась носить светлую одежду...

– Какая ты хорошенькая! – улыбнулась Инесса, когда мы встретились с ней на крыльце. – Со мной не боишься заблудиться?

– Что за глупости... – насупилась я, вспомнив свое недавнее путешествие по Тишинску, которое закончилось столь бесславно, и, если б не ехидная мадам Молодцова...

– Да, ты хорошенькая, – утвердительно кивнула Инесса, безо всякого стеснения рассматривая меня. – Идем же... Десять минут на автобусе или полчаса пешком?

– Пешком.

Солнце, несмотря на вечер, было еще высоко, на миг мне даже показалось, что свежий ветер пахнет близким счастьем.

– Я сразу увидела, что ты милая девочка, – болтала Инесса, шагая чуть впереди. – Только ты не хочешь никому это открывать. Вечно в чем-то темном, неопределенном, волосы небрежно заколоты, светлая, без контуров, помада, личико сонное и несчастное.

– Перестань, – вздохнула я.

– Ты словно прячешься от кого-то, пытаешься раствориться в толпе, сделаться максимально незаметной. Боязнь обратить на себя внимание? Почему?

– Так... Зачем оно, это внимание? – пожала я плечами.

Она незаметным и ловким движением вытащила у меня из пучка шпильки, рукой расправила волосы по плечам. Я нахмурилась, хотя ничего неприятного она не делала.

– Вот так, немножко на лоб... – Инесса совершенно меня не слушала. Видимо, у нее в голове уже сидел какой-то образ, который она хотела примерить ко мне. – Постой...

Из сумочки она вытащила специальный карандашик и, несмотря на мое вялое сопротивление, одним движением обвела мне губы светло-коричневым контуром, потом слегка коснулась скул румянами – все это быстро, на ходу, профессионально точными движениями.

– Еще бы, еще бы я что-нибудь с тобой сделала... – оживленно сказала она. – Так, вот это плечико слегка приоткроем... Ах, обожаю что-нибудь придумывать, у нас в доме моделей Марья Степановна специалистка по макияжу, но все девчонки идут гримироваться ко мне, потому что я делаю лучше! Кстати, через две недели у нас показ новых моделей, ты придешь посмотреть?

– Обязательно.

– Автор коллекции – Рафик Буранов, очень перспективный юноша, родился в деревеньке под Тишинском, учился в сельской школе, потом вдруг его потянуло на «от кутюр»... Странно, правда?

– Н-ну...

– А по-моему, нормально. Нормально даже то, что он не рвется покорять Москву... Он настоящий. Рафик – это от Рафаэля, представляешь – полуграмотная сельская доярка назвала своего сына Рафаэлем... – Инесса улыбнулась, подставив свое лицо солнцу, и судорожно, сквозь зубы, выдохнула воздух. – Он красив, но не про нашу сестру.

– Уже женат?

– Нет. Зинаида Кирилловна его недолюбливает, говорит, что это тлетворное дыхание центра...

– Понятно! – воскликнула я. – Он из тех, кого она называет извращенцами.

Инесса потрепала меня по волосам.

– Он славный, – весело возразила она. – Не космополит, хоть это нынче и модно. В последнее время нашего Рафаэля одолевает идея фикс, и многие тоже этим заразились... Ты ничего не слышала про историю с мэрской дочкой?

– Нет, – с любопытством, даже с тревогой ответила я, тотчас припоминая, что мэр когда-то был возлюбленным моей тетушки. Значит, у него есть дочь. Бедная тетя Зина, у нее никого нет, кроме меня...

– Так вот, у мэра есть дочь, уже взрослая особа, окончила Плехановский институт в Москве, здесь открыла свою автозаправочную станцию... но это неважно. У нее жених – некто Автандил, довольно темная личность, но это тоже не суть важно... У них странные отношения, любовь-ненависть, они все время ссорятся, но тем не менее... Свадьба уже назначена на осень, времени не так уж много, Машенька... дочку мэра зовут Машей... Машенька собирается ехать за платьем в столицу, возможно, даже в Париж (говорят, дешевле выйдет). Понимаешь, к чему я веду?

– Нет, – честно ответила я.

– Рафаэль Буранов вызвался удовлетворить капризную мэрскую дочку, изготовив такое платье, увидев которое Маша сразу же забыла бы про Париж и тем более Москву. Идея безум-

ная, надо сказать, и дело тут не в том, талантливее или нет наш Буранов столичных кутюрье, дело в принципах, которые есть у людей состоятельных, новых русских аристократов. Им хоть половую тряпку, но непременно чтоб с этикеткой от Кардена... впрочем, это тоже уже становится немодным, но до наших мест еще не докатилось.

– Ничего у вашего Рафика не получится, – решительно сказала я, живо представив мать этой Машеньки, хищницу и похитительницу чужих возлюбленных, вероятно, и дочка ничем не лучше, действительно, какой уж тут патриотизм...

– Вот-вот, многие тоже так считают, – энергично закивала головой моя спутница. – Платье должно быть не просто гениальным, а сверхгениальным, оно должно сразить Машеньку наповал, а Рафик, при всех своих талантах, еще так молод...

– Сын сельской доярки... – задумчиво повторила я. – Было бы здорово, если б ему удалось создать такое платье.

– Да... – мечтательно согласилась Инесса. – Правда, есть одно обстоятельство, которое может сыграть на руку Буранову.

– Какое же? – жадно спросила я, влезая уже с головой в перипетии тишинского быта.

– Зимой новые выборы. Это, конечно, мелочи, у кого сошьет свадебное платье Машенька Соболева, но для господина Соболева может оказаться плюсом, что его дочь обратилась к местным модельерам. Да, в предвыборной гонке любой пустяк может стать роковым...

– Тогда все у вашего Рафика получится! – с вдохновением вскричала я. – Дочка мэра не может не...

– Есть и другое обстоятельство, – строго прервала меня Инесса. – Дочка мэра слишком самостоятельная девица, она может и не послушаться его. Приспичит ей, что платье непременно должно быть от Версаче или, на худой конец, от Юдашкина, – и все, никакие выборы ей не указ.

– Боже, какая интрига... Нет, я непременно должна пойти на этот показ мод, ведь там и платье это будет, да?

– Да. Решающий день, – у Инессы глаза сверкали от азарта. – Я буду представлять кое-какие летние модели, потом дефиле купальников нашей фабрики – как раз к купальному сезону, девочки восемнадцатилетние, много еще чего, особых сезонных ограничений не будет... а в конце выйдет Алина, она-то и покажет платье невесты. Прет-а-порте...

– Алина? Какая-нибудь особая красавица?

– А вот и нет! Впрочем, что же это я... Конечно, Алина девушка незаурядная, но только она комплекцией своей походит на Машу Соболеву. Алина долго работала манекенщицей в нашем доме мод, она профессионалка, но недавно родила и немного поправилась, отойдя от привычных стандартов. Машенька Соболева довольно пухловата. Размер сорок восьмой...

– Да-а, для манекенщицы многовато... – сочувственно протянула я. – Этак и я могла бы влезть на подиум! Мой размер.

Инесса улыбнулась и опять поправила на мне что-то.

– Да, и ты, – серьезно сказала она. – Кстати, ты тоже чем-то похожа на Машеньку, это довольно распространенный тип женской красоты в средней полосе – небольшая припухлость, выющиеся светлые волосы, детское личико... беби-фейс называется... Все такое размытое, прозрачное, словно облачко...

– А Люсинда?

– Кто? – широко открыла она глаза.

– Это я так про себя называю Люсю Потапову, нашу соседку, – смутилась я. – Клотильда, Брунгильда, Люсинда...

– Забавно... Да, если б она сбросила килограммов тридцать... тот же беби-фейс, небесные краски... Знаешь, она ведь, Люся то есть, пользуется огромной популярностью среди местных мужчин.

– Но она любит мужа.

– Да, чрезвычайно ему преданна. И он ревнив, как Отелло. Он бы убил ее, если б она дала ему повод ревновать себя.

– Похоже на правду... – пробормотала я, вспоминая мрачное лицо Минотавра.

– А вот и парк, – вдруг сказала Инесса.

Я и не заметила, как мы дошли до него.

– Это старый вход, боковой, прежде бывший центральным, но теперь здесь редко кто ходит. Народ ломится с другой стороны, где карусели и шашлыки, как ты выразилась... А здесь только мамы с колясками гуляют да старушки, любительницы тишины.

Перед нами была высокая ржавая ограда, которая едва сдерживала напор буйно разросшихся за ней лип, деревья словно стремились разорвать железные тиски, мешавшие им вырваться на свободу, заполнить весь Тишинск.

Мы прошли внутрь сквозь каменные ворота с облупившейся розовой краской, у земли покрытые мхом, – такие старые, что мне стало даже жутко, когда я проходила под ними, – а вдруг да и отвалится какой-нибудь кирпич и прямо мне на голову...

– «Немые тени вереницей идут чрез северный портал, но ангел Ночи бледнолицый еще кафизмы не читал...» – пробормотала я, с опаской поглядывая вверх.

– Анненский, – с улыбкой кивнула Инесса, поглядев на меня с нежностью. – Иннокентий Анненский.

– Да. Называется стихотворение «Тоска возврата».

– Впрочем, до сумерек еще далеко...

– Портал, – повторила я, оглянувшись на старинные ворота. – Их только так и можно назвать, уж больно мрачное сооружение. Лет двести, триста...

– Да, при Екатерине строили. Панинский парк. Есть даже беседка полуразрушенная, тех лет, владения графа Панина. Дальше, за парком, дворец Панина, ныне городской архив, за ним старинное кладбище... Помнится, я уже говорила тебе, что в этом месте сходились три дворянских поместья.

Мы шли по разбитой асфальтовой дорожке, и над нами нависали липы, здесь было прохладно и сумеречно, Инесса так ласково улыбалась мне, что я чуть не заплакала... Бог знает, отчего вздумалось мне плакать, тоска мешалась с радостью, эти аллеи ввергли меня в какое-то элегическое настроение.

– Да, говорила, – глубоко вздохнула я. – Очень печальное место, недаром ты...

– Есть места и печальнее! – засмеялась моя спутница и кончиком мизинца смахнула у меня слезу со щеки. – Оленька, ты прямо царица Несмеяна какая-то...

– Ну да! – засмеялась и я сквозь слезы. – Недавно с тетей Зиной были на пушкинском вечере – «Мне грустно и легко, печаль моя светла...». Не об этом ли месте?

– Нет, ты забыла, Пушкин печалился на холмах Грузии. Хотя... Там есть продолжение, у этих строчек. – Инесса внимательно, с любопытством смотрела на меня. – «Печаль моя полна тобою». Что, у царицы есть принц? Кто он? Я больше чем уверена, что существует некто, кто заставляет нашу девочку страдать...

Я вздрогнула и поежилась.

– Холодно?

– Нет, но...

– Ладно, я не буду тебя пытаться. – Она провела рукой по моим волосам, но я и не думала сердиться.

В старом Панинском парке на самом деле было тихо и малоллюдно, лишь изредка, с порывом ветра, доносились с новой территории звуки музыки и стрекот аттракционов. За те полчаса, что мы бродили по аллеям, я увидела лишь нескольких старушек на лавочках, унылую долговязую мамашу с коляской и компанию из троих мужчин, которые прямо под липой отме-

чали какое-то событие, держа в руках пластиковые стаканчики, да позади нас брел тощий юноша с длинными светлыми волосами, вертя в руках кусок проволоки.

Поначалу я совсем не обращала на него внимания, но потом, на одной из самых тенистых и заброшенных аллей, беспокойство неожиданно овладело мной.

– Послушай, что это за тип? – шепнула я на ухо Инессе, преспокойно рассказывающей об истории города Тишинска. – Извини, конечно... А вдруг он на нас набросится и задушит своей проволокой...

– Кто? Где? – встрепелась она, оглядываясь по сторонам.

– Да вон, сзади...

– Ах, это... – с облегчением вздохнула она, заметив нашего спутника. – Его не стоит бояться, я его знаю. Это Костя, местный дурачок. Совершенно безобиден.

Она вытащила сигарету, закурила, помахала рукой издалека этому Косте, на что он не обратил внимания. Или сделал вид, что не заметил.

– Его родители – очень приличные люди, работают на нашей швейной фабрике.

– Ты уверена...

– Да. Трусиха! – упрекнула она меня. – У него то ли шизофрения, то ли олигофрения, впрочем, я не специалист... Давай присядем?

Мы сели на лавочку и лениво принялись рассуждать о психиатрии – какая это темная наука, и как легко сойти с ума даже людям нормальным, без генетических отклонений... Костя встал под дерево шагах в тридцати от нас, крутил в руках свою проволоку и как будто глядел в сторону, но я теперь точно знала, что мы чем-то заинтересовали его. Впрочем, после слов Инессы я уже не боялась его.

Он был совсем юный – лет восемнадцати-двадцати, очень тоненький, чисто, но как-то жалостно одетый – в серые бесформенные брюки и вылинявшую клетчатую рубашку, личико – узкое, напряженное, и только волосы были хороши – длинные, густые, светлые, они отливали золотом даже в тени.

– Бедная мать... Каково ей? – вздохнула я, имея в виду Костикову родительницу. – Вообще, как страшно носить в себе ребенка и не знать, здоров ли он будет, ибо даже наука...

– Будет тебе, – устало перебила меня Инесса. – Дурацкая тема. Давай о чем-нибудь другом.

Мы встали и побрели дальше, сзади тащился Костя, глядя по сторонам.

– Он теперь не отвяжется.

– Как? Совсем? – испугалась я.

– Просто не обращай на него внимания. Он же не мешает нам, правда?

– Уж больно хороши волосы у него... – повторила вслух я свою мысль.

– Замечательные, ни у кого таких не видела! – поддержала меня Инесса. – Только какой в них смысл, ведь, кроме этих волос, у него нет ничего.

– Смысл есть, – возразила я. – Ничего просто так на этом свете не бывает, рано или поздно смысл этих прекрасных волос должен открыться!

– Скажешь тоже! – усмехнулась моя спутница. – Ты ищешь тайну там, где ее нет.

Я некстати вспомнила историю, связанную с прошлым Инессы, и мне вдруг нестерпимо захотелось спросить, кто был отцом ее детей...

– Инесса...

– Что? – тихо спросила она, глядя на меня своими блестящими рысьими глазами. Она бы не ответила да еще и посмеялась бы надо мной – как-нибудь особенно обидно, такие, как она, очень ловко умеют делать это. Но зато такие не смеются над чужими тайнами...

Мы прошли парк насквозь, причем Инесса каким-то чудом нашла в густой листве калитку, открывавшуюся на совершенно незнакомую мне улицу, и мы оказались перед старинным особняком с колоннами.

– Бывший дворец графа Панина. Ныне архив, – сказала Инесса. – Идем дальше или домой?

– Дальше, – кивнула я. Меня все больше и больше мучила мысль о том, что если кто и способен меня выслушать, так это Инесса. В самом деле, отчего не рассказать ей все, уж она-то могла посоветовать что-нибудь дельное, у женщин с такими рысьими глазами всегда наготове какая-нибудь неожиданная мысль – а не только одни слезливые эмоции, как у бедных овечек вроде моей тетушки... – А что дальше?

– Я же тебе говорила, дальше – старое кладбище. Это настоящий мемориал вроде Литераторских мостков в Санкт-Петербурге – там не смерть, а история. Не боишься?

Здесь, на улице перед архивом, было еще светло, мимо пропылил автобус, стояла будка обувщика, и спешила куда-то толпа людей в оранжевых спецовках.

– Нет, что ты! – снисходительно ответила я. – А где наш герой?

– Костя? Отстал. Он гуляет только в парке...

Мы перебежали дорогу и очутились перед высокой длинной оградой, за которой тоже буйно росли липы. Пока мы добирались до прохода в стене, Инесса успела мне рассказать, что кладбище очень старинное, времен основания города, и лежат на нем потомки трех дворянских родов, несколько купеческих семей прошлого века, интеллигенция начала века двадцатого и несколько видных деятелей города Тишинска советского периода.

– Закрыто для первоначальных захоронений, – сурово добавила моя спутница. – Разрешены захоронения родственников и, по решению властей, лиц, имеющих особые заслуги перед народом, – героев войны, труда, заслуженных деятелей и лауреатов. А для простых граждан есть обычное кладбище, оно на другом конце города. Но, знаешь, некоторые умудряются попасть и на это, оно считается престижным, в ход идут родственные связи и большие деньги. А так – это культурно-исторический объект, его никто не имеет права трогать. Ах да, еще здесь лежит один декабрист, я даже писала о нем статью в свое время...

Меня умилила горячность, с которой она защищает отеческие гробы, и я уже окончательно решила, что непременно расскажу ей...

Сквозь железные ворота мы вошли на кладбище, и стоило мне увидеть все эти венки с памятниками, зеленую траву на могилах, как слезы ручьем хлынули у меня из глаз.

– Ты что? – строго спросила Инесса. – Немедленно возвращаемся, все никак не могу привыкнуть к твоей чувствительности, черт меня дернул уже не в первый раз...

– О нет! – схватила я ее за руки. – Это я так... маму вспомнила... Не сердись на меня, я тебе хочу рассказать одну вещь, и именно здесь. Только обещай...

– Обещаю, – сказала она, глядя на меня с жалостью и тревогой. – Никому.

– Постой, надо где-нибудь сесть...

«Мудрость их поведает люди, и похвалу их исповесть церковь: телесе их в мире погребена была, а имена их живут в роде» – было написано по-церковнославянски над старым желтым склепом, к которому целеустремленно подвела меня Инесса. Мы сели возле него на почерневшую от времени лавочку, и я начала. Рядом, на высокой колонне, ангел из темного камня, упираясь лбом в крест, стоял на коленях, страдая за всех, но более – за того или за тех, кто покоился в этом склепе.

– У меня есть тайна...

– У всех есть тайна, – сдержанно кивнула Инесса. – И тебе непременно надо рассказать ее, именно здесь и именно сейчас?

– О да! – горячо воскликнула я, продолжая цепляться за ее руки. – Это то самое место... Недаром я упомянула про маму, эта тайна касается и ее, ее и еще одного человека!

Что-то дрогнуло в лице Инессы.

– Второй муж матери, мой отчим...

– Погоди, – весьма невежливо перебила она меня. – Зинаида Кирилловна рассказывала об этом. Отчим оказался негодяем, из-за него твоя мама стала болеть и в конце концов умерла...

– Так ты знаешь! – разочарованно воскликнула я. – Оказывается, тетя Зина...

– Она ненавидит этого человека и, при всей своей скромности, не могла молчать, сколько раз я была свидетельницей гневных монологов в адрес Вадима Петровича...

– Ты даже имя его знаешь! – нахмурилась я.

– Не торопись сожалеть о том, что решила открыть мне душу, – остановила меня Инесса, как-то странно, напряженно глядя на меня. – Я очень много думала о тебе и обо всей этой истории.

– Ты думала обо мне?

– Да. Ты очень славная девочка, и я хотела бы тебе помочь. Ты слишком страдаешь, а человек не должен терзаться так из-за своего прошлого. Что было, то было. Все тайны – ерунда, надо жить только сегодняшним днем.

«Свои-то тайны ты держишь под замком!» – хотела было возмутиться я, но вдруг подумала, что она действительно может не помнить прошлого. И именно эта забывчивость не позволила ей сойти с ума, ведь, в отличие от меня, она держится прекрасно...

– Подробности тебе известны? – быстро спросила я.

– Только в общих чертах, – спокойно ответила она. – Кое о чем можно догадаться.

– О чем?

– Что твой отчим покусился на тебя или только пытался сделать это, мама твоя узнала, от переживаний слегла, ты переживала за маму, особенно после ее смерти, даже в больнице лежала этой зимой... Так?

– Так, – завороченно кивнула я. – Но это даже хорошо, что ты знаешь все в общих чертах, я тогда тебе расскажу о самом главном.

– Говори, – кивнула она. – Говори все, словно ты на исповеди.

Ветер прошелестел в деревьях, задрожали цветы на ближайшей могиле – но я по-прежнему воспринимала окружающее словно через густую пелену тумана, я полностью погрузилась в прошлое.

– Мне было четырнадцать лет, – медленно произнесла я, – когда моя мама второй раз вышла замуж. Отца своего я почти не помню, он умер очень давно, но, говорят, был очень хорошим человеком. Мама беспокоилась, что я вырасту безотцовщиной и что-то неправильное произойдет с моим характером, если я не почувствую твердой мужской руки – не в смысле того, что кто-то должен непременно меня наказывать, а скорее – указывать нужный путь и учить не колебаться. Моя мама была человеком слишком нежным и трепетным, она из-за всего переживала и любому пустяку придавала чрезмерное значение – это у нас в роду, ты, наверное, по тете Зине заметила... Романтизм и восторженность, которые не всегда помогают в этой жизни.

Я замолчала на мгновение, размышляя о странностях наших семейных черт, но Инесса нетерпеливо затормозила меня.

– Дальше, – шепотом произнесла она.

– Так вот... В своей маме я не сомневаюсь, она постаралась выбрать на роль моего отца человека наиболее достойного и положительного, но, как бывает у натур восторженных, она что-то просмотрела... Впрочем, никто ничего не может знать наверняка. Он был врач... он и сейчас врач, но я хочу говорить о нем только в прошлом времени... он был врач, несколько моложе моей мамочки, но отзывы о нем были самые серьезные и положительные...

– В какой области врач? – перебила меня Инесса.

– Терапевт, – сурово ответила я. – Самый обычный терапевт в простой районной поликлинике, то есть, как принято считать, труженик и святой. Во взрослой поликлинике, – еще

более сурово уточнила я. – Я понимаю, к чему ты все спрашиваешь... но это правильно, иначе всего и не поймешь. У него была старушка-мать, замечательная старушка, я думаю, увидев ее, мама и решилась на этот брак. Так вот... Они поженились. То есть о периоде ухаживания я знаю мало, мама старалась не слишком часто приводить его к нам, дабы не травмировать меня своим легкомысленным поведением, ибо все, что было до свадьбы, она считала немного неприличным... Да, конечно, Вадим Петрович был мне официально представлен, но я как-то не особенно интересовалась... я просто хотела, чтобы мамочка была счастлива, детским эгоизмом я никогда не страдала. Они встречались где-то в других местах – ходили в театры, кино, на выставки (я тоже пару раз участвовала в этих походах, очень чинно и благородно...). Не могу сказать, что Вадим Петрович обращал на меня особое внимание. Так, постольку-поскольку... Все очень целомудренно, мама и не допустила бы иного. Ты знаешь, – произнесла я тихо, почти неслышно, словно даже мертвые не должны были знать об этом, – я думаю, у них ничего и не было до свадьбы.

Инесса глядела широко раскрытыми глазами, и что-то в ее взгляде было такое, что заставляло меня говорить дальше.

– Они поженились, и Вадим Петрович стал жить у нас. Поначалу все было очень хорошо... но потом что-то неуловимое, непонятное, странное... словно ветерок подул – еще не сильный, но можно было угадать близкую грозу. Ничего не произошло, а я вдруг стала бояться своего отчима, не бояться даже, а избегать. Все вокруг твердили, какой он положительный и порядочный, а я старалась говорить с ним как можно меньше, всякие прикосновения были исключены – знаешь, в квартире, да еще не очень большой, часто приходится сталкиваться локтями, но я ничего такого не допускала, я даже не садилась на стул, с которого он только что встал.

Инесса провела рукой по моим волосам, подбадривая, и я почувствовала, что ее рука слегка дрожит. «Что она нашла в моей истории? – промелькнуло у меня в голове. – У нее-то отчима не было?»

– Потом я заметила, что он на меня смотрит. Тоже странно так смотрит – долго, тихо, безотрывно и в то же время так, чтобы это ни мне, ни маме не было заметно. Бедная... она хотела, чтобы Вадим Петрович помогал мне делать математику! В математике я была совершенной тупицей, я и сейчас половину таблицы умножения не помню, но тогда – особенно все эти цифры не давались мне, доводили до слез... Что это были за уроки! По вечерам мы сидели в моей комнате над раскрытым учебником, вытянув шеи, максимально отстранившись друг от друга, и он своим тихим голосом пытался донести до меня всякие алгебраические премудрости. Мама радовалась, когда мы с Вадимом Петровичем занимались вместе, но толку от этих занятий не было никакого – я так боялась его, что мой слух не воспринимал его голоса, я не понимала смысла слов, им сказанных...

– Почему ты его боялась?

– Не знаю, опять же – и не страх это был, я просто другого слова не знаю, которое могло бы обрисовать тогдашнее мое состояние... Он ничего не делал, чем занимаются обычно маньяки и педофилы, но так жутко мне было! И я не могла о нем не думать... У него был такой тихий голос, тихий, как будто робкий, но уж лучше бы он кричал! Наверное, я вела тогда себя как дурочка – он говорил мне что-то, какие-то пустяки, а я зажмуривалась и пятилась назад, отвечала невпопад на его вопросы...

– Может быть, от него чем-то особенным пахло? – опять прервала меня Инесса. – Знаешь, у каждого человека бывает свой, особенный запах, и иногда запах говорит о человеке больше, чем все его речи... Запах лекарств, больницы... Смерти! – вдохновенно добавила она. – А ты инстинктивно улавливала его и...

Я задумалась.

– Нет. Точно нет. От него ничем не пахло. Абсолютно. Абсолютная медицинская стерильность. Такого чистолю еще следовало поискать... Мамины подруги все ей завидовали! Так вот, Вадим Петрович был образцом порядка и гигиены.

– Дальше...

– Однажды он пришел с работы, мамы еще не было... Я после прогулки сидела на диване и что-то читала, «Войну и мир», кажется. Так часто бывало, что мы оставались в доме одни, и, как всегда, меня охватило странное чувство... Я отторгала этого человека всей душой, я была в ужасе, но внешне старалась никак этого не выражать, я продолжала старательно читать свою книжку, хотя слова уже начали плыть перед моими глазами. Он что-то спросил... я опять ничего не услышала и ответила что-то невпопад. Он как будто огорчился или рассердился – я не знаю, и подошел ближе, чтобы повторить свой вопрос.

– И тогда...

– И тогда он встал передо мной на колени, – сквозь ладони, глухо произнесла я. – Нет, дальше я не могу...

– Не бойся! – Инесса решительно оторвала мои руки от лица. – Ты должна быть сильной. Прошлого уже ничем не изменить... измени только свое отношение к нему.

Как ни странно, эти банальные слова немного меня приободрили.

– Так вот, он встал передо мной на колени, говоря что-то тихо, тихо... на мне был такой ситцевый халатик, с васильками, не очень длинный... Он чуть-чуть отвел в сторону одну полу халатика и поцеловал меня в обнажившееся колено. Приоткрыл рот... ах, нет, не думай, что дальше он стал делать что-то невероятное, грубое, чего не во всяком порнофильме увидишь... нет, он просто провел языком от колена до середины бедра, вот до этой точки. – Я прикоснулась к ноге Инессы, отчего она вздрогнула. – Все в пределах легкой эротики – от колена до середины бедра, с внутренней стороны... И все.

– Все? – повторила она как будто с разочарованием.

– Да. Вот и все, что было между мной и Вадимом Петровичем. Но дальше... дальше начался тот самый ад, в котором я живу до сих пор.

– Что же было дальше?

– Дальше в комнату вошла моя мама. Не понимаю, как мы не услышали ее – она вернулась с работы, – как не отшатнулись друг от друга; может быть, если б мы успели сделать это, ничего страшного не произошло, мама ни о чем бы не догадалась, а я бы что-нибудь придумала, как избавиться от этого человека, я бы удрала к тете Зине, сюда, в Тишинск, она всегда меня звала... Но мы ничего не слышали, поэтому мама своими глазами увидела его лицо между моими коленями.

– Да уж... – вздохнула Инесса. В сумерках, на фоне желтой стены склепа, она казалась особенно красивой, почти нереальной, темно-вишневое платье слегка сверкало металлическими нитями – так посверкивает огонь в глубине очага, она казалась мне последней надеждой на спасение, только она могла помочь мне, ибо сама сумела хладнокровно пережить все свои невзгоды...

– Никаких иных толкований этой сцены быть не могло, – решительно продолжила я свой рассказ. – Его лицо между моими коленями, халатик распахнут... и, кроме того, выражение ужаса, которое застыло в моих глазах, да и то, что отражалось в глазах моего отчима... до сих пор помню, как он смотрел на меня в тот момент – что-то собачье, животное, жалкое и страшное... Ноу коммент, как говорится. Дальше... думаю, если б я повела себя как-то иначе, маму еще можно было спасти, не доводить ее до тяжелой болезни... Что ж, сцена, открывшаяся перед ней, была не из приятных, но все еще можно было поправить, сгладить – дружно изгнать отчима, объяснить, что ничего больше не было, что я не особенно шокирована (мало ли на свете подлецов, переживать из-за них всех, что ли!)... Но я повела себя непростительно, глупо... короче, я упала в обморок. Первый и единственный раз в своей жизни.

– Бедное дитя!

– Не могу передать тебе, как мой обморок подействовал на маму, – ей показалось, что я умерла. И что-то в ней сломалась... Дальше... что было дальше? Вадим Петрович исчез из нашего дома, мы с трудом стали приходить в себя, но маму неотступно мучили угрызения совести. Этот мой дурацкий обморок, когда ей показалось, будто я умерла! Ведь она сама, по собственной воле, привела этого человека в нашу семью, сделала его моим отцом, умилялась нашим занятиям по алгебре... Через два месяца у нее произошел первый инфаркт, через год – второй... По сути, она стала инвалидом, она не могла работать, не могла жить, болезнь и муки совести очень быстро съели ее. Я пошла работать – курьером, разносила почту, подметала улицы, с трудом закончила вечернюю школу, все свободное время посвящая маме...

– А Вадим Петрович? Больше ты его не видела?

– Видела, – помолчав, сказала я. – Я его видела несколько раз. Только никто не знал о наших встречах. Первый раз он появился тогда, когда мама лежала в больнице, предложил свою помощь, деньги... но я отказалась. Мама умерла бы еще быстрее, если бы увидела его физиономию.

– Он переживал из-за того, что натворил?

– Не знаю... я думаю, он больше переживал оттого, что меня у него отняли, вернее, оттого, что я не хотела его знать.

– Вы не заявили на него в соответствующие органы?

– Была такая мысль... Но мы бы с мамой не справились, точно – не справились, следствие, суд – это тяжелое испытание... я думаю, да и не было бы ему ничего, ведь все это очень сложно доказать. Несколько лет мама болела, а потом умерла. Что мне делать? Меня тоже терзает вина. Ведь я могла оттолкнуть Вадима Петровича мгновением раньше, я могла не падать в обморок... Ах, еще столько всякой ерунды, которую можно легко предугадать! Мама, бедная мама, она ведь извелась еще больше, видя, как я посвящаю всю жизнь уходу за ней, вместо того чтобы учиться, делать карьеру...

– Ты говорила, что видела его несколько раз.

– Да, еще раза три-четыре, потом было несколько телефонных звонков... но это так глупо, так жалко!

– Что ему надо было? Он все еще хотел помочь?

– Да... И он говорил о своей любви, – с трудом призналась я. – Но это все гадость, гадость, об этом лучше не упоминать!

– Хорошо, опустим...

– Инесса, что мне делать?! – с отчаянием спросила я. – Я не хочу жить, я схожу с ума, все время думаю об этом! Мне пытались помочь, я лежала в клинике нервных болезней, меня лечили от чувства вины и от воспоминаний о прошлом, но ничего не помогло...

– Я помогу тебе, – вдруг улыбнулась Инесса. – Пока еще не знаю как, но помогу! Только...

– Только что? – замирая, спросила я.

– Только сейчас уже очень поздно. – Она огляделась вокруг. – Я бы еще с тобой поговорила, но Зинаида Кирилловна...

– Боже мой, тетя! – перепугалась я. – Она же с ума там сходит. Идем!

Схватившись за руки, мы побежали к выходу – памятники, ограды, железные кресты, печальные и равнодушные ангелы, черные деревья мелькали у меня перед глазами – как в страшном сне, когда я спасалась от своего преследователя... У каждого человека есть непременно что-то или кто-то, кто преследует его в снах (это мне еще Ян Яныч говорил).

За оградой чувство времени вновь вернулось ко мне – в городе было тихо и пустынно, внезапно налетевшие сумерки разметали всех его жителей по домам, словно под прикрытием темноты действительно бродил по его улицам кто-то страшный.

Ни одно окно не горело в здании архива, парк через дорогу высился черной громадой, правда, горел фонарь на пустой остановке.

– Автобуса мы точно не дождемся. Который час? Одиннадцатый? Они уже не ходят... – с досадой произнесла Инесса. – Ладно, потопали пешком.

– Может быть, мы сумеем поймать такси... – робко начала я, но тут же замолчала, кляня свою столичную избалованность.

– Как же мы могли забыть о времени... – бормотала Инесса, шагая со мной по пустой темной улице. – Ох, нет, ты не бойся, здесь не так уж долго...

Вдруг вдали послышался какой-то хриплый рокочущий звук.

– Попутка! – радостно взвизгнула Инесса. – И я, кажется, знаю кто... Ну как не узнать голос этой старой развалины!

Она выскочила на середину улицы и замахала руками. С горки спускался грузовик. В какой-то момент я здорово испугалась – ехал он довольно быстро, и мне показалось, что он не сможет сейчас затормозить и его широкая железная морда со всей дури ударит по моей подруге, но ничего страшного не произошло. Водитель затормозил, распахнул дверцу с противоположной стороны... все происходящее тоже напоминало сон. Я очень беспокоилась о своей тетушке.

– Михайла, ты домой? – звонко крикнула Инесса. – Нас подбросишь? – И, не дожидаясь ответа, подтолкнула меня к машине. – Залезай...

Я с трудом вскарабкалась на высокое сиденье и обнаружила в кабине нашего соседа. Минотавр, он же отец семейства Потапов (Михайла Потапов!), невозмутимо смотрел на дорогу, в то время как Инесса усаживалась рядом со мной.

– Порядок. Рванули, Миха!

Мы затряслись по тишинским ухабам, в машине что-то екало и громыhalo, но я была бесконечно счастлива оттого, что нам не пришлось тащиться пешком по пустынным улицам. «Я помогу тебе...» Инесса улыбалась рядом, в тесной кабине, и я чувствовала левым боком, какая она горячая и сильная. А вдруг и вправду поможет?..

Потапов молчал, что было совершенно естественным для него состоянием, и ожесточенно крутил баранку.

– Как Люся? – спросила Инесса, но он в ответ только кивнул головой. Не знаю почему, но этот мрачный человек вызывал во мне какой-то трепет. Почему он так странно действовал на меня? Да, почтенный отец семейства, работяга, известный всему городу, непьющий – ведь наверняка многие женщины приводили его в пример своим благоверным как образец достойнейшего мужчины, многие завидовали пышнотелой Люсинде – ибо он любил ее, несомненно любил, до смерти любил... До смерти. Ведь вздумалось бы ей...

Тут грузовик подбросило на очередном ухабе, и я стала смотреть на дорогу, а не на Минотавра.

– Не хуже американских горок, – уголком губ шепнула я Инессе. – По крайней мере, ощущения те же...

...Тетушка была в курсе, что я отправилась в путешествие с Инессой, поэтому она не особенно волновалась.

– Но почему же так долго! – произнесла она с досадой. – Еще холодно по вечерам, ты могла простудиться...

– О нет, нас довез до дома Потапов, тот самый, что живет в доме напротив... Ах, тетя Зин, мы были в Панинском парке, и Инесса рассказывала мне о предстоящем показе мод, там такая интрига завязывается...

Я была возбуждена и весела, я очень хотела верить в то, что моя прекрасная соседка мне поможет.

И, только заснув, я словно глотнула холодной застоявшейся воды, пахнувшей тиной и рыбьей чешуей, – закрыв глаза, я погрузилась в прошлое, которое всеми силами пыталась забыть.

...Трудно объяснить состояние человеческой психики, когда непрерывно вспоминаешь о чем-то и в то же время не можешь вспомнить до конца.

Да, у меня в голове прочно сидело мое прошлое, постоянно напоминая о себе, – то лицо мамы в тот момент, когда она открыла дверь и увидела Вадима Петровича у моих коленей, то ощущение электричества от его тела, когда мы вечерами зубрили с ним алгебру, то еще какие-то картинки... Но дело в том, что все это были лишь действительно разрозненные картинки, эпизоды, которые ярким светом вспыхивали в моем сознании и заставляли меня корчиться и страдать. Я даже могла проговорить мою историю довольно подробно, связным текстом – как Ян Янычу когда-то, как Инессе сегодняшним вечером, но весь путь до конца я еще не проходила. Я была режиссером, перед которым лежит груда пленок, их надо смонтировать в одну ленту... о да, сюжет я прекрасно знала, как и последовательность событий, но внутренняя логика их была мне еще недоступна, та самая логика, которая заставляет понять причину происходящего.

Ян Яныч на сеансах психотерапии в клинике много чего мне говорил, умного и полезного, и Инесса не могла сообщить что-то новое, но мне, наверное, надо было выговориться именно подруге, а не врачу. Я исповедовалась этой женщине, как себе самой, – недаром я ощущала, что она является чем-то вроде моего второго «я», оттого так и недолюбливала ее попервоначалу... В моей душе словно стронулось что-то – наверное, так вздрагивает снег в горах, когда неопытный турист произносит громко какое-то слово, ледяной пласт сдвигается и... Погибну я или нет под лавиной воспоминаний – я не знала, но они уже неслись на меня с полной силой.

Этой ночью прошлое вернулось ко мне с неотвратимой ясностью – закрыв глаза и оторвавшись от сегодняшнего дня, я вдруг снова увидела этого человека – не смутным пугающим контуром, а ясно и отчетливо, как будто он стоял прямо передо мной.

...У него был тихий и спокойный голос, который, говорят, очень положительно действовал на его пациентов. Он работал в районной поликлинике, в самой обычной, и перед его дверью толпилась очень длинная очередь, потому что всем в первую очередь был нужен терапевт. Бабульки ругались, молодежь огрызалась, климактерические тетушки стервенели, мужчины засучивали рукава... черт знает что случается в этих очередях, даже самый нормальный человек теряет разум и терпение, когда его заставляют часами сидеть перед одной и той же дверью... но в самый критический момент выходил Вадим Петрович и говорил что-то тихое и спокойное, и это заставляло утихнуть бушующие коридорные страсти. И уже не имело значения, что кто-то умирал от простуды, а кто-то опаздывал на работу, а еще кто-то «с наглой мордой пытался пролезть без очереди»... Его голос умел успокаивать и завораживать.

И только я боялась этого голоса. «Оля, – зашевелил губами Вадим Петрович в моем сне. – Оленька...» Но я, как всегда, замкнула свой слух, я не хотела знать ничего из того, что он собирался мне сообщить.

...У него было странное лицо – не молодое и не старое, лицо без возраста. Такие лица обманчивы – в юности человек кажется старше, а в старости – моложе, чем он есть на самом деле. Бледная ровная кожа, светлые ресницы, водянистые глаза, бледные вялые губы, на которых вечно вертелась эта непонятная улыбка – то ли страдания, то ли радости, а скорее всего, ни того ни другого – просто мимическая особенность лицевых мышц. Как он мог понравиться маме? Хотя именно такой человек и должен был понравиться моей маме, трепетной и нежной, словно мимоза, которая боится любого неосторожного прикосновения – тихий спокойный человек, который к тому же занимается столь благородным делом, врач.

В чем-то она, наверное, не ошиблась – он ни разу не повысил на нее голоса, ни разу не поднял руку. Но то, что он сделал... Я вдруг снова увидела его лицо между своих коленей, почувствовала его язык на своей ноге – влажный, горячий и какой-то одновременно прохладный, меня опять скрутило всю, воздух ушел из легких...

– Что? – сонным голосом крикнула тетушка из своей комнаты. – Ты что-то сказала?..

Она вскочила, ее босые пятки застучали по полу. Я пыталась отдышаться.

Когда тетя Зина зажгла свет, я была уже почти в порядке.

– Ты меня звала? Я же говорила, не та еще погода, чтобы...

– Просто сон, – сказала я, падая на подушки. Какая-то одержимость охватила меня. Я вспомню все и не дам этим воспоминаниям задушить меня. Инесса меня поддержит – мы будем с ней говорить, говорить, до тех пор, пока... Я не заметила, как снова провалилась в сон.

Но дальше, как назло, был сон без сновидений, и лишь под утро не очень громкий, но зато очень пронзительный вопль прорезал темноту. Я подскочила на кровати, точно зная, что кричала не я. Или все-таки я?

Раннее майское утро едва брезжило, тонкая розовая полоска перечеркивала небосклон, едва просвечивая сквозь кусты зацветающей сирени, которая так и лезла к нам в окна, навязчивая и жизнерадостная.

– Это он. Опять он, – сидя на кровати, глубокомысленно произнесла тетя Зина, ошеломленная ранним пробуждением.

«Безусловно, не я. Но кто же тогда? Кто это «он»?»

– Филипыч, – словно услышав мои мысли, продолжила тетушка. – Ни сна, ни отдыха, а на носу экзамены, у меня вся голова распухла, опять же Головатюк...

И она вдруг куда-то энергично засобиравшись.

– Ты куда? – испуганно спросила я, никак не ожидая от смиренного Филипыча таких воплей.

– Спасать, – лаконично ответила она и, окончательно придя в себя, быстро выбежала из комнаты. Мне стало страшно – любопытно и страшно, я кое-как накинула на себя халат и помчалась вслед за тетушкой.

В коридоре на втором этаже свет не горел, я едва не упала на лестнице, но потом увидела распахнутую дверь и бегущих со всех сторон жильцов.

– Глеб, нож! – услышала я голос Инессы. Что-то блестящее мелькнуло в темноте, и вдруг, словно у меня глаза только что открылись, я увидела перед собой ужасную сцену.

Филипыч болтался посреди комнаты на веревке, опрокинутый табурет лежал у него под ногами, изо всех сил он держался за петлю, не давая сомкнуться ей на шее... Полуголый Глеб, больше похожий на Тарзана или Чингачгука, чем на обычного школьника, – со своими длиннейшими смоляными патлами, подскочил к Филипычу и подхватил за туловище, не давая веревке натянуться, Инесса уже вскочила на табурет и перепиливала ножом канат над головой повешенного страдальца.

– Это что же такое?! – прошептала я громким шепотом, чувствуя, как ледяные мурашки бегут по моей спине. – Ничего не понимаю!

Филипыч как куль рухнул на пол, а Инесса с ножом посмотрела на меня сверху вниз своими блестящими насмешливыми глазами. Больше всего в ней я не любила этот взгляд.

– Попытка суицида, – хриплым после сна голосом сообщил мне Глеб. – Мам, я звоню Силохиной?

– Не стоит, детка, у меня еще есть лекарство...

Сзади уже толпились старшие Аристовы, взволнованные и серьезные, в ночном неглиже маячила смуглая и сердитая мордочка Бориса, младшего сына Инессы, потом, словно чертик из табакерки, выскочила Клавдия Степановна Молодцова.

– Так я и знала! – завопила она. – Сволочь ты, Филипыч, уж хоть бы раз довел дело до конца! Нет, ему надо непременно представление устроить, весь дом переполошил...

Филипыча тем временем уложили на кровать, Инесса притащила шприц и сделала несчастному старику укол.

– Успокаивающее, – произнесла она вслух, ни на кого не глядя, но я почему-то подумала, что она говорит это именно для меня. – Теперь будет спать сутки.

– Однако какой отчаянный! – всплеснула руками тетушка, глядя со слезами на лежавшего соседа. – Филипыч, это же грех!

– А ему наплевать! – опять вступила мадам Молодцова. – Мне, может, на работу к семи утра!

– Клавочка... – умоляюще протянула тетушка, всем своим видом намекая на милосердие.

Но на мадам Молодцову это не подействовало. Она сорвала с головы косынку и произнесла короткий, но очень прочувствованный монолог на тему того, как некоторые люди обнаглели до беспредела и у них совсем крыша поехала, а другие люди – нормальные и трудящиеся на благо общества... Инесса совершенно не обращала внимания на Клавдию Степановну и хладнокровно мерила Филипычу давление. Остальные жильцы продолжали находиться в глубоком трансе и были еще не готовы вступить в дискуссию.

Под косынкой у Клавдии Степановны, оказывается, прятались разноцветные бигуди, уложенные сплошными рядами, отчего ее голова напоминала шлем инопланетянина, а по лицу были размазаны остатки ночного крема...

Филипыч ровно дышал, глядя в потолок, Инесса держала его за руку – словом, беда пронеслась мимо. Я поняла, что Филипыч пытался свести счеты с жизнью уже не первый раз. Помнится, тетя Зина предупреждала меня о каких-то его странностях...

– Может быть, действительно вызвать Силохину? – дрожащим голосом предложила я. – Вообще вызвать «Скорую»?

– Мы вызывали раньше, – вступила в разговор Любовь Павловна, тоже вдруг показавшаяся мне в эти предутренние часы какой-то нереальной – малиновые волосы ее разметались по плечам, ночная пижама с медвежатами казалась клоунским нарядом. Супруг, Валентин Яковлевич, держал ее за руку и с испугом таращился на Филипыча. Другой рукой он отпихивал Бориса назад, не желая, чтобы мальчик все это видел. – Он давно не в себе...

– Да! – встрепенулась тетушка. – Уже два года. Надо было предупредить тебя, дитя мое, но я как-то...

– Нет, ты говорила.

– Слава богу, что нечасто, – серьезно произнесла Любовь Павловна. – Борька, марш к себе! А ты, Глеб, ложись, я уж посижу с нашим Вертером...

– Ма, и ты иди... – потянул Глеб Инессу.

Этот юноша и его мать тоже вдруг показались мне какими-то нереальными, словно не от мира сего. Слишком красивые, слишком яркие, как боги с Олимпа, вечно юные, отчего мать казалась ровесницей сына... Они так стремительно, не раздумывая, бросились спасать несчастного старика...

– ...и просто подлец! – с чувством произнесла мадам Молодцова.

– Аким Денисович поздно вчера вернулся? – вставая, словно между прочим спросила Инесса.

– Что? – мадам Молодцова споткнулась.

– Конечно, если его так долго ждать, а потом ни свет ни заря вскакивать... Вы хоть на часик-то глаза сомкнули?

Я решительно ничего не понимала, но на Клавдию Степановну слова Инессы подействовали самым волшебным образом. Она вдруг замолчала, покрепче запахнула на себе блестящий

фиолетовый халат из полиэстра, от которого во все стороны летело статическое электричество, и попятилась назад.

– Да, вызывали мы раньше врачей, – задумчиво продолжала Любовь Павловна. – Только это, Оленька, не помогает. И вообще, в больницы у нас лишь тяжелых берут, а Филипыч так, представляет... – шепотом сообщила она. – Мы его один раз уже сдавали в больницу. Когда первый раз это случилось...

– Да! – кивнула тетушка, говоря тоже шепотом, чтобы несостоявшийся самоубийца не слышал. – Теперь жалею. Пролежал там месяца два, вернулся совершенным овощем, посидел весь и исхудал, в себя потом еще дольше приходил. Мы уж как-нибудь сами...

– Конечно, сами. – Любовь Павловна не боялась никаких трудностей. – Я вот с ним посижу немного, пока не уснет... Спать он будет долго, а завтра мы к нему все по очереди будем заглядывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.